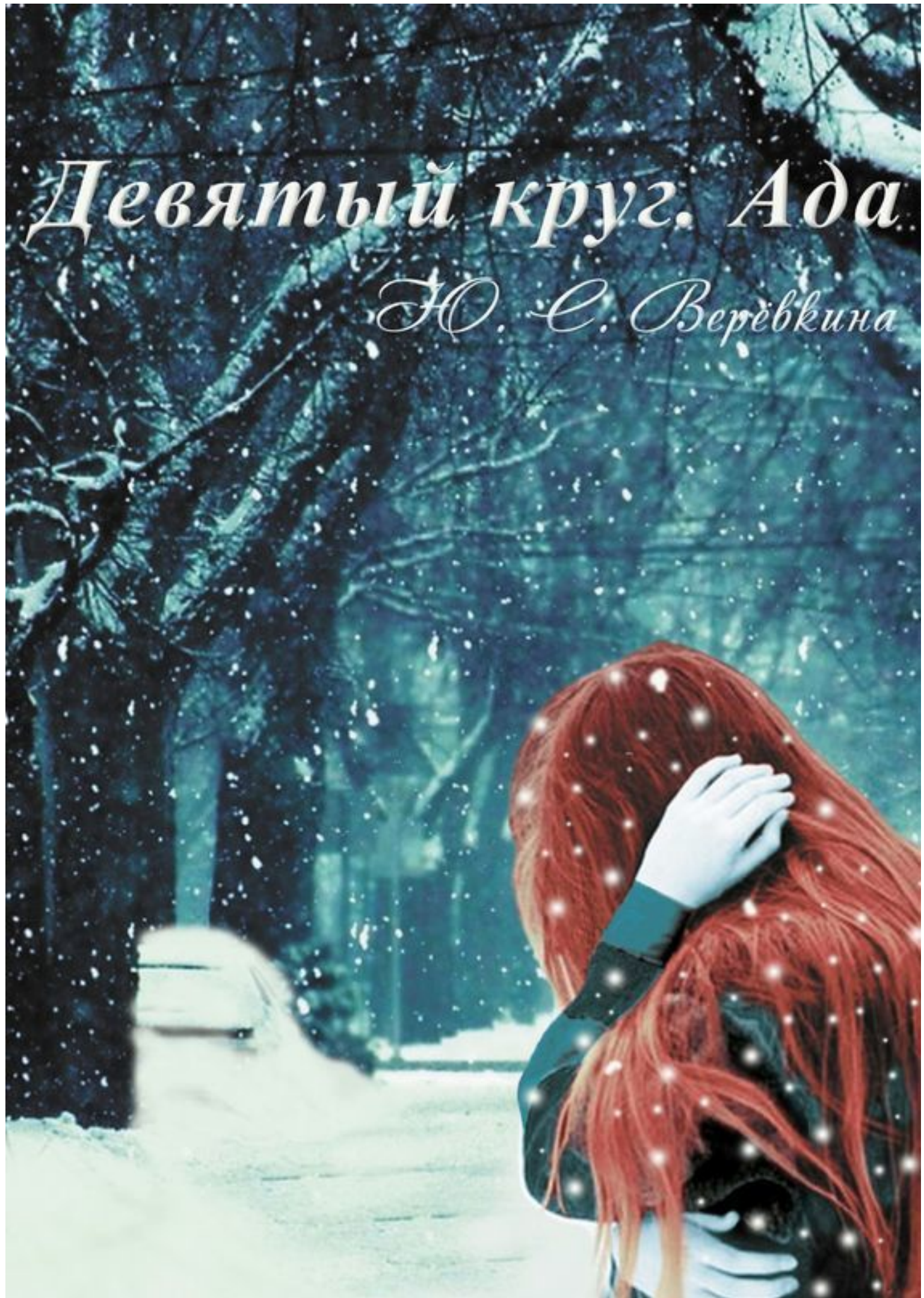

Девятый круг. Ада

Ю. С. Верёвкина

Юлия Верёвкина
Девятый круг. Ада

«Издательские решения»

Верёвкина Ю.

Девятый круг. Ада / Ю. Верёвкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748213-8

Роман «Девятый круг. Ада» вошел в лонг-лист независимой литературной премии «Дебют». Однажды июльским днём в средней полосе России внезапно выпадает снег. Очередная погодная аномалия? Именно так и относятся к происшедшему большинство людей. Но снег всё не тает, а столбик термометра опускается ниже и ниже... Синоптики не находят внятных объяснений — да и не могут этого сделать. Причина обрушившейся на планету суровой зимы — в древнем колдовстве, вырвавшемся со страниц старинной книги.

ISBN 978-5-44-748213-8

© Верёвкина Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Ведьмина часовня	6
1	6
2	7
3	8
4	11
5	22
Часть вторая. Птица не кричит	34
1	34
2	36
3	37
4	42
5	46
6	47
7	50
8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Девятый круг. Ада

Юлия Верёвкина

© Юлия Верёвкина, 2016

© Юрий Мудрик, дизайн обложки, 2016

Корректор Галина Попова

Редактор Александр Фадин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Ведьмина часовня

1

– Снег! – закричала Лерка из кухни.

Сергей подумал, что она шутит; конечно, сейчас вбежит в комнату и расхохочется, может, бросит в него полотенце: «А ты правда поверил, да?»

Но он всё-таки поднял глаза к окну. Не поверил. Встал, отдернул тюль. На пыльно-зелёную, какая бывает у городских деревьев посреди июля, листву клёнов падал снег. Падал крупными хлопьями, с нарочитой самоуверенностью панка в библиотеке – словно понимал, что его не ждали. Он касался ветвей с лёгким удивлением, точно оценивая, каково это – осесть на широкие зелёные листья.

Лерка примчалась из кухни и встала рядом с братом. Открыла было рот, посмотрела за окно и ничего не сказала. Снег падал, падал, падал, всё смелее, увереннее, и вот уже трава во дворе стала бело-зелёной, как будто кто-то не слишком тщательно закрасил зелёным фломастером лист бумаги. Прохожие стояли, удивлённо глядя на ворох снежинок, сыпавшихся с неба, и не замечали, как они тают на их голых руках и тонких футболках.

Лерка открыла окно и протянула руку. На ладони быстро таяли снежинки.

– Настоящие, – почему-то сипло сказала она.

На календаре было одиннадцатое июля.

Снег шёл весь день. Казалось, он вот-вот закончится – ну полноте, поиграли и хватит, сейчас лето, в конце концов, вчера было плюс тридцать! Да, для экзотики это неплохо, но хватит же, хватит...

Столбик термометра неуклонно полз вниз, и резкое похолодание делало снег настоящим, не игрушечным, как при первом взгляде. К вечеру снег уже завалил весь двор. Травы как будто и не было. На деревьях выглядывали краешки поникших листьев. Весь день им звонили друзья, знакомые и родные. Диалоги получались один к одному: «Видали?» – «Что творится-то!» – «У вас тоже снег?» – «С ума сойти!» В новостях эту тему мусолили по третьему кругу. А теперь всё выглядело так, будто ничего особенного не случилось. Мягко вечерело, снег сверкал в свете фонаря, Сергей писал за столом, Лерка варила пельмени. На кровати валялись конспекты лекций, поперёк холодильника висела бумажка: «Купить хлеб и зубную пасту!!!», о чём они всё равно забывали третий день. Слышно было, как ругаются соседи сверху. И всё нормально! Всё как всегда.

– Серёж, ты идёшь? – Она выключила конфорку.

– Угу.

Сергей пришёл в кухню. Лерка небрежно раскидывала пельмени по тарелкам.

– Рано в этот раз зима наступила, – немного неуклюже начала Лерка разговор, глядя, как брат методично посыпает пельмени перцем – так, как делал всегда. Слишком обыденно. – Напишешь об этом?

Лерка редко интересовалась работой Сергея – он писал для местной газеты, – но сегодня, ей показалось, можно сделать исключение. Правда, нарочитое безразличие брата, которое он напускал на себя всякий раз, когда случалось что-либо, возбуждавшее её любопытство, и в этот раз заставило её пожалеть о своей несдержанности.

– Придётся... Хотя какой в этом толк? Завтра растает всё, – рассеянно ответил Сергей.

Но снег не растаял – ни завтра, ни потом.

2

Тёмный храм был почти пуст. Только несколько старушек стояли по углам: все в доперестроечных пальто и шерстяных платках, с суровыми лицами, со свечами в изжёванных морщинами руках. Отец Андрей уже закончил исповедь и, отпустив древним жестом благословения прихожан дожидаться причастия, посмотрел за высокое, забранное чугуновой решёткой окно. Снег мягко падал на кусты роз во дворе; было отрешённо и тихо. Взяв с аналая крест и Евангелие, отец Андрей несколько мгновений не сводил глаз с цветов за стеклом – пышных, красных, и вдруг – в белом, нежном... Он отвернулся, собравшись уходить, и невольно вздрогнул. Перед ним стоял молодой человек и смотрел прямо ему в лицо – пристально, выжидающе и в то же время как-то... отчаянно. На его светлых волосах, собранных в хвост, пушился снег. Серые глаза блестели – горько, нездорово.

Отец Андрей немного удивился, но коротко кивнул ему: мол, говори.

– Я не псих, – сообщил молодой человек; голос его сбивался, будто он только что бежал. Отец Андрей с недоумением вскинул брови. – Но я знаю, почему снег. Это она. Всё она...

Истерик отец Андрей не одобрял и строго посмотрел из-под очков на молодого человека. Тот запнулся на полуслове.

– Я бросил... – Он замаялся и отвёл глаза, но вскоре продолжил: – ...Дело своей жизни бросил. Из-за неё. Я... не могу без неё, и она меня позвала.

Отец Андрей уже собрался напомнить молодому человеку, зачем приходят на исповедь, но тут он сам перешёл, что называется, ближе к теме.

– На мне грехов столько, что... – Молодой человек махнул рукой, как бы отменяя всякое снисхождение к себе.

– Сомневаться в том, что Бог тебя простит, значит... – начал было отец Андрей, но исповедующийся его перебил:

– Да знаю я! Лучше, чем вы думаете, знаю! Простите, – последнее слово он сказал гораздо тише и спокойнее, чем первые реплики. – В общем, я её люблю. Наверное, это так называется, только это уже невозможно, – измучила! То ночами приходила, я ей, представьте, руки целовал, а вдруг в себя приду – нет её, я воздух ловлю. А теперь вот – снег.

Из потока речи молодого человека отец Андрей выхватил наиболее понятный момент.

– Ну, любишь, понял. Что случилось? Ты, может, женат? Или она замужем?

Молодой человек устало покачал головой. Его точно лихорадило. Он сжал было руки в кулаки, но потом медленно разжал напряжённые тонкие пальцы и перекрестился, отвернувшись к распятию. Христос, склонивший узкий лик на фоне окна, за которым продолжал крупными хлопьями укутывать розы снег, казалось, был в этот миг особенно милостивым. Сочувственно смотрела Богородица на иконе, вся в розоватых отсветах лампадки. И так тихо было в храме...

Отец Андрей ждал.

Наконец молодой человек посмотрел измученными глазами куда-то сквозь него и вздохнул:

– Она – моя сестра.

3

На другой день снег не растаял. Сергей немедленно отрядил сестру лепить снеговика для громкой первой полосы, а сам помчался в редакцию. Чувствуя себя довольно глупо под взглядами старушек у подъезда, быстро промокнув Лерка воткнула снеговика морковку меж нарисованных маркером глаз и побежала в университет, на консультацию перед последним экзаменом.

В alma mater разговаривали только о снеге – так же, как на остановке, в автобусе, на улицах. Естественно, предсказывали конец света. Тётя Тамара, университетская уборщица, исключением не была. Едва Лерка повесила куртку, старушка немедленно вздохнула:

– Всё. Точно всё. Давно к этому шло. Наказывает нас Бог...

Лерка поспешно кивнула и выбежала из раздевалки. У расписания, как обычно, толпились студенты. Оттуда донеслось:

– Всё, конец света. Это ещё Нострадамус предсказал.

На втором этаже молодой преподаватель старославянского уверенно изрёк:

– Всё, недолго нам осталось, солнце вот-вот взорвётся.

Девчонки в аудитории, собравшись у окна, тоже на все лады обсуждали нынешнюю аномалию. Но вот вошла Разбегаева, преподавательница, и стало ясно, что даже если бы небо вдобавок осветило северное сияние, она бы не преминула выявить их предосудительной безграмотности. Положив внушительную стопку папок, тетрадей и парочку словарей на стол, она нетерпеливо кивнула девушкам у окна.

– Преподаватель вошёл, девушки.

Милая, строгая, несгибаемая Разбегаева! От её основательности снег вдруг стал просто снегом.

– Валерия, пожалуйста, к доске.

...Когда-то Лерке приснился сон: в городе невесть откуда появились стада динозавров, которые громили всё подряд. Ревел ураган, хлестал дождь. Между огромных лап какого-то монстра Лерка, чудом спасшись, проскочила на крыльцо университета, чтобы спрятаться. Не успела она перевести дух, как появилась Разбегаева. Динозавр крошил супермаркет напротив, а Разбегаева строго спросила: «Валерия, вы сделали задание по русскому языку?»

Вечером Сергей позвонил и сказал, что будет поздно: у него много работы. Лерка решила оставить сомнительную затею приготовить плов и, словав бутерброд, задумалась, куда бы ей направить свою лишённую вектора энергию. Взгляд остановился на кладовке.

Волковы выросли в деревне и, покоря город, поселились на съёмной квартире, причём нынешняя была уже не первой. Они перебрались сюда лишь недавно и были, в общем, довольны: просторная комната, разумная плата и вменяемая хозяйка, которая всегда предупреждала о своих визитах, к чести её, очень редких. А на прошлой квартире эксцентричная старушка с фиолетовыми кудрями появлялась, как не в меру активное привидение, и ранним утром, и глубокой ночью, бесшумно проскальзывая в дверь и засовывая морщинистый нос то в их кастрюли, то в карманы курток.

Впрочем, и у нынешнего жилища недостатки имелись: совершенно не вместительный шкаф и забитая до отказа кладовка. Лерка хищно посматривала на её дверь уже несколько недель и наконец решилась. У неё давно мелькала мысль, что никто не заметит пропажи пары тройки коробок с хозяйским прошлым.

Тут было всё, что можно найти в среднестатистической кладовке или на балконе, от лыж с одной палкой до длинных резиновых сапог, от шерстяных носков до банки с засохшей краской. Только на беглое ознакомление с залежами коробок, мешков, свёртков и узлов у Лерки

ушло полчаса. Решить, что из хозяйского старья можно безнаказанно выбросить, оказалось нелегко. Вздохнув, Лерка на миг исчезла в пыли и вытащила на свет первую коробку. Ну конечно: детская одежда. Ребёнок вырос, а вещи оставили его будущим детям, – стандартная история. На выброс не годится, могут вспомнить. В другой коробке почивали два плаща мышинного цвета, которые никто никогда не наденет, но выбросить всё равно жалко, и три свитера из той же категории... Пожалуй, подойдёт.

Лерка приступила к следующей коробке. «Надо же, не тряпки», – удивилась она, справившись с хитрым узлом. Достала деревянную резную шкатулку, внутри – пара заколок-невидимок, простенькая резинка и какие-то обрывки бумаги. Лерка развернула один. Ярко-фиолетовыми чернилами, мелким почерком было написано: «...теперь тебе Его путь не повторить, и я здесь ни при чём, ты сам...». «Его» – с большой буквы с завитушками. Клочок был мятый и очень маленький, дальше фразы было не разобрать, но Лерке стало интересно. Она жадно, как к какой-нибудь захватывающей древности, кинулась к другим кусочкам. Размашистые, широкие буквы, выведенные обычной шариковой ручкой, встретились на небольших и скомканных, но всё-таки цельных листках: «Рыба на балконе, рис на плите. Поешь, не забудь», «Покорми кота дяди Толи», «Адин поезд в 8.30». Первый, мелкий почерк встретился ещё пару раз, но на таких маленьких и затёртых обрывках, что разобрать ничего не удалось. Лерка разочарованно отставила шкатулку в сторону. Ошмётки чужой жизни, забытые в кладовке, манили её, но рис на плите и дяди-Толин кот наводили на мысль, что жизнь эта довольно заурядная. Лерка продолжила исследовать коробку. Тетрадка. Обычная школьная тетрадка по литературе, подписанная ученицей 11-го класса Исаевой Адой. Ада. Лерка приподняла бровь. Редкое имя. А почерк... тот первый почерк, мелкий. Серебряный век, Есенин, Маяковский, Булгаков – темы, прилежно подчёркнутые фломастером. На полях редкие заметки, видимо как-то связанные с уроком. В конце несколько цитат, которые, наверное, приводил учитель, а ещё – две фразы, написанные поперёк листа и небрежно зачёркнутые:

«Если ты любишь Бога и Он любит тебя, почему ты боишься Его?»

«Бог создал этот мир таким – что же ты его отвергаешь? Ты осуждаешь Его? Что же, Он зря трудился?»

И, наверное, как продолжение этой мысли:

«Бог создал меня...»

У Лерки напрочь вылетело из головы, ради чего она полезла в эту пыльную кладовку. Она будто читала книгу, которую надо собирать по страницам; любопытство било через край. Теперь она даже переставала дышать, когда вновь лезла в коробку.

Евангелие. Скромное синее Евангелие. Лерка полистала книгу. Страницы затёрты, кое-где – карандашные заметки. А на обратной стороне обложки аккуратно выведено: «Ада, читай хотя бы иногда». Что ж, Ада, кажется, предпочла убрать подарок подальше.

Далее Лерка нашла разорванный бумажный пакет, на котором было написано «Для Ады». Наверное, в нём передали Евангелие, по крайней мере, почерк совпадал с надписью на форзаце книги.

Шарф. Лерка удивлённо разглядывала очередную вещицу. Обыкновенный муаровый шарф ярко-алого цвета, на одном крае которого давно расплылись большие чёрные буквы – «Ада».

Пикнул домофон. Лерка вскочила и торопливо затолкала всё обратно в кладовку, потом бросилась в комнату, чтобы поскорее принять вид добропорядочной сестры, читающей книжку, а не рожющейся в чужих вещах.

Сергей вошёл, отряхнул снег с куртки, поворчал, что на дорогах жуткие пробки из-за снега и что хлеб опять не купили, по традиции сердито объявил:

– Обожаю эту работу! – и, как всегда, обругал редакцию всеми известными ему словами.

Но Лерке было не до него. Её беспокоили две вещи: когда растает этот ненормальный снег и Ада, которая, похоже, когда-то жила здесь.

4

В редакции было холодно. Сергей пил остывший кофе и набирал статью об абсолютной неготовности городских властей к чрезвычайным ситуациям: снег шёл уже неделю, но дороги так и оставались заваленными, а квартиры жителей, беззащитных перед чиновниками, – неопелеными. Сергей знал, что пишет для людей, которые хотят прочесть, что за них заступаются только на газетной бумаге, а во власть приходят исключительно воры и бездельники, и слогом пользовался соответствующим.

В это время он был один в их корреспондентской комнатухе, гордо именуемой редакцией: девчонки разбежались по заданиям, а может, по магазинам – на то они и девчонки. За окном валил снег. Тут в дверь тихонечко поскреблись. Сергей весь сморщился от этого скребка: так скрестись могли только читатели, причём читатели, которым что-то надо. Напечатать про их сложную жизнь (или, того хуже, жизнь их детей-бабушек-дедушек...), разобраться с соседкой, пятый месяц не возвращающей сто рублей, или вернуть деньги за прошлый номер, который драгоценному читателю не понравился (а не то он перестанет покупать любимую газету). Так или иначе, они все чего-то хотели.

– Войдите! – крикнул Сергей, сворачивая вордовский документ и приготовившись к худшему.

Вошла девочка. Сергей удивился. Буйными читателями, готовыми ходить, звонить и писать в редакцию, оказывались, как правило, пенсионеры или те, кто скоро ими станет.

– Здравствуйте, – тихо сказала она, встав прямо перед ним.

Тут Сергей разглядел, что не такая уж она маленькая. Ей, похоже, было лет семнадцать. Его сначала сбили с толку две русые косы, свешивавшиеся из-под белой шапки с помпоном, и тонкое лицо, бледное без косметики. Посмотрев на неё внимательнее, Сергей ошеломлённо отставил кофе. Правильные черты, большие глаза, изящные кисти рук с ногтями, лишёнными лака... Девушка была неухоженна, слишком просто, по-детски, одета – но при этом довольно красива.

– Что вы хотели? – выдавил Сергей.

– Напишите! – вдруг крикнула она. – Напишите, что мы все умрём под снегом!

Сергей опешил. Девушка, которой впору было играть ангела в голливудском фильме, оказалась истеричкой. Он вздохнул – и смирился: в эту комнату приходили и не такие помешанные. Отводя глаза, чтобы не отвлекаться на странную прелесть этого бледного, почти прозрачного лица, Сергей сдержанно начал:

– Видите ли, предсказания мы не публикуем, мы пишем больше на социальные темы...

Девушка неожиданно нагнулась прямо над ним, опершись покрасневшими от мороза руками на стол.

– Социальные – это о людях, верно?

– Верно, – согласился Сергей, отъезжая на стуле к самой стене.

– Так и это для людей! Пусть знают! Скажите им, что Бог есть! Скажите, что им надо только успеть исправить всё, что они наделали. Времени больше не будет, пусть поймут! Нам немного осталось. Людей больше не будет.

– Ну зачем же их так пугать? – спросил Сергей. Странное дело, в этой холодной красоте не было ничего заманчивого, такого, что заставляло бы не отрывать от неё глаз; ему уже хотелось выставить девушку за дверь, скорее дописать текст и уйти домой. – Даже если наступит конец света...

– Свет останется! – перебила посетительница и объяснила: – Людей не будет.

– Хорошо, – поспешно согласился Сергей и подумал: ну почему он пять минут назад не ушёл покурить? Ведь хотел же. Тогда, может быть, она бы развернулась и ушла. – Только зачем им знать сейчас? Пусть поживут в своё удовольствие, уж сколько осталось.

– Да вы что! – крикнула она так гневно, что Сергей мрачно решил: нет, не ушла бы. – Вы хотите, чтобы они в свои последние дни продолжали грешить? Вы не понимаете! Если вы напечатаете предупреждение, у них время будет. Покаяться. Помолиться. Бога вспомнить. Прощения у людей попросить. Подготовиться. И может быть, Он спасёт кого-нибудь. Ноя же спас.

Ну почему на факультете журналистики не учат, как избавляться от подобных читателей? Как-то в редакцию пришёл старичок в шинели, который совал девочке-корреспондентке под нос осколок бутылочного стекла и доказывал, что это – откопанный на его огороде кусок метеорита. В другой раз приковыляла бабка, уверявшая, что по ночам её беспокоят марсиане, а собес почему-то ничего с этим не делает (главным образом она жаловалась на собес, позволяющий себе такую халатность, а не на марсиан). А теперь вот эта.

– Вам лучше в религиозную газету обратиться, – ещё сохраняя выдержку, посоветовал Сергей. – Мы на такие темы не пишем.

– Но у вас тираж больше? – требовательно уточнила она. Густые каштановые брови описали идеальную дугу.

– Больше, – нехотя признал Сергей.

– Так вас больше людей прочтут! И спасётся больше! Как же вы не понимаете? – И она посмотрела на него как на ненормального. Это совсем вывело Сергея из себя.

– Мы-об-э-том-не-пи-шем, – сквозь зубы процедил он.

Казалось, девушка расплечется. Она смотрела на него светло-серыми глазами так обиженно, словно он выбросил в окно её котёнка. Неожиданно она топнула ногой.

– Я сюда пешком пришла! К вам! Из Бердеевки! – завопила она. – Я же для вас! А вы не напишете?

Она и в самом деле расплакалась. Сергей почувствовал себя мерзавцем, издевающимся над ребёнком. И вдруг понял: несмотря на возраст, она же правда совсем девочка – по крайней мере, по сознанию.

– Ну, я поговорю с редактором, может, мы попробуем что-то такое написать. Как вас зовут? – с фальшивой участливостью спросил он.

– Маша.

«Маша! Ну конечно, Маша! – устало подумал Сергей. – А как ещё могут звать пророчицу Апокалипсиса. Да, она ведь и пешком откуда-то там пришла». Он нервно нарисовал в блокноте треугольник, тут же его замалевал и обратился к Маше, сцепив руки:

– Маша, а фамилия твоя как? – произвольно перешёл он на ты.

– Семёнова.

«Хоть не Иванова», – мельком подумал Сергей и записал девушку в блокнот.

– В школе учишься?

Она снова посмотрела на него с ужасом.

– Какая школа? Сейчас молиться надо, душу спасти! Я что, похожа на человека, который может заниматься пустяками в такое время?

– Нет-нет, совсем не похожа, – торопливо сказал Сергей, и это была первая искренняя фраза в разговоре. – Маша, видишь ли, я сейчас должен срочно дописать статью и бежать на интервью с... м-м... с губернатором! – Он представил себе, как бы засмеяли его девчонки, если бы слышали эти слова. – А ваше, бесспорно, очень важное сообщение, если редактор согласится, мы опубликуем.

– Вы мирской человек, – укоризненно сказала Маша. – Одумайтесь! Не о статьях и зарплате надо сейчас думать, а о спасении... Я могу не попасть сюда больше («Уже хорошо!» –

облегчённо вздохнул Сергей), поэтому, если вы промолчите, вина за все беды падёт на вас. А губернатору тоже обязательно скажите, пусть срочно...

– Поверьте, он знает, что делать в такой ситуации! – заверил Сергей и вскочил. – Я забыл, мне надо срочно в... бухгалтерию. Машенька, всего доброго. Счастливой тебе дороги.

И Сергей ловко вывел Машу из офиса, а сам скрылся в бухгалтерии. Две девушки подняли глаза от бланков и удивлённо покосились на него.

– Спасаясь! – Он развёл руками и пояснил: – Читательница. Особо буйно помешанная. Грозит концом света.

Девушки сочувственно улыбнулись. Прождав минут пятнадцать, развлекая бухгалтерш рассказом о пророчице Маше (те хохотали до упаду и напоили его кофе), Сергей осторожно вернулся в офис. Маши там уже не было.

– Уф! Бывает же... – Он подошёл к огромной карте области, висевшей на стене. – Бердеевка...

Он поискал село вокруг города: вряд ли Маша пришла пешком из какой-нибудь Тмутаракани – если, конечно, не наврала. Но среди пригородов никакой Бердеевки не оказалось. Сверившись с содержанием, Сергей нашёл её и присвистнул – до города от неё было километров пятьдесят.

– Врёт, – решил Сергей, но всё же пожалел, что хотя бы не предложил Маше чаю.

Кое-как достучав статью, он собрался домой.

Снег был повсюду. Он валил с неба, словно там, наверху, кто-то сбрасывал целые сугробы на землю. К остановке он пробирался чуть не по колено в снегу. Прождав двадцать минут, он так и не увидел своего автобуса, да и никакого другого: транспорт ходил из рук вон плохо. Сергей выкурил третью сигарету и пошёл пешком.

Попав наконец в квартиру, он был в снегу с капюшона до ботинок. Лерка, похоже, унеслась на свидание. Сергей рассеянно подумал, что их у неё слишком много, привычно поставил воду на пельмени, с удовольствием отметил появление нового тюбика зубной пасты в ванной и потому совершенно не удивился отсутствию хлеба.

После миски пельменей он полез в кладовку – в квартире было холодно, а хозяйка говорила, что у неё есть поролон; отвёртка тоже нашлась, между бутылкой уксуса и вязаными носками. Поражаясь своей домовитости, он под бормотание телевизора начал затыкать окна в комнате.

– В ближайшие две недели по вине циклона с Атлантического океана в центральном регионе потепление так и не наступит, и средняя температура воздуха в начале августа ожидается десять градусов ниже нуля, – сообщила дикторша из прогноза погоды, глянцево улыбаясь.

Сколько?! Сергей обернулся к телевизору (девушка уже рекламировала капли от насморка), оступился, табуретка грозно качнулась, и он, ловя руками воздух, полетел на пол. Морщась и костеря синоптиков, снег и табуретку, он обнаружил, что не только набил синяк на ноге, но и ухитрился задеть отвёрткой обои, и теперь приличный кусок белой бумаги в блёстках болтался, наполовину оторванный, у балконной двери. Сергей вновь высказал всё, что он думает об отвёртке, обоях и ещё раз о снеге, и побрёл за клеем, надеясь, что за шторами следов падения никто не заметит. Он уже намазал было край бумаги, как вдруг заметил что-то между бетонной стеной и обоями. Сперва подумал, что ему показалось, но всё же осторожно просунул руку и вытащил конверт. Обыкновенный, без марок и надписей. Запечатанный. «Оригинальное место для записки», – усмехнулся Сергей и без колебаний оторвал край фотографии.

Всё его профессиональное и человеческое любопытство вспыхнуло так, что у него дрогнули руки, когда он доставал их из конверта. Увы, там не оказалось губернатора в бане, хлещущего водку и лапающего пару-тройку девчонок. По большому счёту, было вообще непонятно, зачем снимки понадобилось столь добросовестно прятать.

Глядя на фотографии, Сергей сначала не мог понять, что в них не так, но вскоре заметил: девушка на всех была с завязанными глазами. Или девочка: он не мог точно сказать из-за её крайней, почти фантастической худобы и крохотного роста – судя по тому, каким огромным по сравнению с ней казалось кресло. Она сидела на его ручке в одном красном полотенце – и с ярко-алой повязкой на глазах. Её сняли крупным планом, так, что виднелись капельки на коже. У девушки были пышные светлые волосы до плеч и личико с такими изящными скулами, что впору ей рекламировать пудру и тональный крем. На тоненьком, детском пальце – массивное серебряное кольцо с чёрным камнем. На другой фотографии она улыбалась из ванны – над толстым слоем пены. На третьей уже красовалась в чёрном вечернем платье с голой спиной, с бокалом шампанского и каким-то парнем в пиджаке, стоящим вполборота к объективу так, что лица не было видно. Тот же красный шарфик на глазах. На четвёртой – улыбалась из-под шёлкового одеяла. А на пятой был мужчина с обнажённым торсом и светлыми волосами, собранными в хвост; он стоял в вечернем свете в профиль к окну. Его глаза скрывал всё тот же алый шарф.

И больше ничего. Довольно невинно. Сергей недоумённо пожал плечами. Он ещё раз повертел снимки в руках и заметил надпись очень мелким почерком – на том, где девушка была в ванне: «Хочешь знать, кто меня фотографировал?» Сергей помедлил секунду и убрал снимки себе в сумку.

Заканчивая возню с окнами, он замер, нахмурившись, и кинулся к сумке. Достал фотографии, нашёл мужчину с завязанными глазами и, присмотревшись, кивнул сам себе. Так и есть: шторы на снимке были точно такими же, как те, что висели в комнате.

Вечером пришёл Макс, как всегда небритый и лохматый, но запах его одеколона проник в квартиру ещё от лифта. Сергей познакомился с ним пару лет назад, когда приехал в город после армии и, поступив на журфак, устроился в местную газету – в одну из тех, куда юношей брали, почти не глядя на опыт работы, хотя бы ради того, чтобы разбавить женский коллектив. Попав на первую в своей жизни пресс-конференцию, он чуть не сшиб камеру оператора с местного телевидения, а потому сначала узнал цену камеры, а уж затем – имя будущего друга. Столкнувшись ещё пару раз, они решили выпить вместе. Словом, уже два года Макс был лучшим – да что там, и единственным – другом Сергея. Лерка на него одно время поглядывала с интересом, и даже, кажется, у них была коротенькая интрижка за спиной Кати, но Сергей об этом старался не задумываться – мало ли с кем крутила его сестра, главное, что держались они в присутствии друг друга непринуждённо и в меру иронично.

Макс жаловался: на тупость девчонок, с которыми работает («она двух слов связать не может, а я стою, как дурак, с включённой камерой»), на начальницу («именно я, и никто другой, вкалываю уже третье воскресенье подряд»), на снег («с ума все из-за него походили») и на подругу («она думает, что мне самому по приколу работать в выходной»). Он вёл не к тому, что у него тяжёлая жизнь, а к тому, что нужно срочно расслабиться в баре.

По засыпанному снегом городу автобус полз до центра полчаса вместо обычных семи минут. За бутылкой пива Сергей, которому надоели жалобы приятеля, рассказал о визите пророчицы Маши. Макс пустился в философию.

– До чего заштамповано сознание наших людей! Вот смотри: ну, выпал снег в июле. Аномалия? Аномалия. Но чего сразу орать про конец света? Между прочим, в истории человечества случались сотни таких аномалий, и ничего.

– Ага, и среди них – Всемирный потоп, – напомнил Сергей.

– Таких катаклизмов – единицы. И все они случились до нашей эры. А таких вот несезонных явлений было пруд пруди. Но всегда, во все времена, находились такие вот психи, как эта твоя девчонка, каркающие про Апокалипсис и покаяние. Хотя обычно пророки – дряхлые старики, которым больше нечего делать. Кстати, вчера Катя вычитала, что в Смутное время

у нас два года подряд снег выпадал в августе. Ну, тогда, конечно, было не очень клёво, голод и все дела, но никакого конца света не произошло. Нужно же, в конце концов, разнообразие...

– Классное разнообразие, – фыркнул Сергей. – Весь август промёрзнем и проторчим в пробках, а к ноябрю всё растает, и будем месить грязь и жариться, когда дадут отопление при плюсе на улице – спорим на текилу? Да, и все тут же опять завопят, что скоро конец света: зима-то бесснежная будет...

– Вот я и говорю: сознание заштамповано, – авторитетно заявил Макс и пошёл заказать ещё пива.

В баре набралось много народу, все столики и большинство мест у стойки были заняты – давал знать о себе вечер пятницы. Дружеские компании, парочки, женщины средних лет, решившие расслабиться после трудовой недели. Уставшая официантка сновала меж столиков, пухленькая девушка в окружении подруг громко сомневалась, стоит ли заказывать пирожное, мужчина в выцветшем свитере пил пустой чай в одиночестве, но с блаженным выражением на лице... В очередной раз открылась дверь, по ногам пахнуло холодом с улицы, и Сергей машинально бросил взгляд в ту сторону. Сладостно-лёгкое опьянение как ураганом унесло. Вернулся Макс с пивом.

– А барменша тут ничего...

– Спрячь меня! – попросил Сергей, тоскливо глядя на вход.

Макс озадаченно посмотрел на друга и обернулся.

– Ты что?

– Там эта... Маша. Пророчица, – простонал Сергей. Ну что ей не топалось в свою Бердевку? Долго ведь идти, лучше б заранее. А может, ей просто надо было денег дать на автобус?

– Ух ты! Наверное, будет весело, – обрадовался Макс. – Ничего себе! Она гналась за тобой аж досюда? Если девочка по своей привычке притопала пешком, она порядком промёрзла. Ну что тебе сказать, цени такую преданность!

– Хватит скалиться! – Сергей настороженно следил за знакомой фигурой. Маша встала посреди бара, осматриваясь. Появилась лицемерная мыслишка, что она могла просто зайти перекусить.

– Послушайте! – крикнула она. Из-за громкой музыки на неё сперва почти не обратили внимания: мало ли кто и что кричит знакомым. Сергей же подумал: началось. Макс тоже это понял и смотрел на Машу вполборота с видом зрителя, полгода ждавшего премьеры. Казалось, он вот-вот заплодирует.

Но посетители бара ещё не поняли, что спектакль начался: они ели, пили, шутили, и Маша, совсем побледневшая, вновь призвала:

– Да послушайте вы!

– Убавьте музыку! – попросила она барменшу. Та что-то ответила, видно, огрызнулась, и Маша решила спасти её грешную душу. Вот тогда всё больше голов начали поворачиваться в её сторону.

– Вы одержимы! Это бес вам велит не делать тише сейчас, когда это надо людям!

Смуглая барменша с бровями вразлёт опешила.

– Слушайте же! Мы – последние люди на земле. Мы увидим конец света! За наши грехи мы все погибнем! Снег – это знак. Знаки были и раньше, но теперь решено. Как только я увидела снег, я вышла из дома и пошла сюда, чтобы вы поняли: сейчас нельзя объедаться и пить вино...

– А водку можно? – крикнул парень из-за стойки. Остальные в баре ещё не поняли, что, собственно, происходит, и неуверенно улыбнулись.

– Шутки не спасут! – Маша, подобно карикатуре на пророков, возвела руки к навесному потолку. – Конец света наступает – бегите отсюда! Бегите в храмы, бегите от суеты!

– А ты прав, – хмыкнул Макс. – Она занятная. Стоит посмотреть.

– Ага, куда уж занятнее. – Сергей чувствовал себя неловко. Ему почему-то казалось, что на нём какая-то отметина, клеймо, указывающее на его знакомство с Машей, а все это видят и думают, что он тоже психопат.

Между тем в баре понемногу пришли в себя. Женщины полезли за кошельком, думая, что девочка просто просит милостыню, а конец света – что-то вроде рекламного хода.

– Сбор средств на спасение от конца света, – прокомментировал Макс, заметив несколько рук, приготовивших по десять-двадцать рублей.

Барменша наконец сориентировалась.

– Девушка, покиньте заведение, – железным тоном сказала она.

Маша пришла в ужас от такой закоснелости в грехе.

– Вы не понимаете! Конец света!

Но охранник, посмеиваясь, уже выводил её за локоть:

– Да-да, конечно, конец. Иди уже отсюда.

Маша кричала и страдала прелестями загробной жизни до тех пор, пока дверь за ней плотно не закрыли.

Некоторое время в баре озадаченно молчали, потом поползли разговорчики и смешки. Барменша, размахивая обнажёнными до плеч длинными руками, выплёскивала своё возмущение. Охранник, следя бездумными глазами за игрой света и тени на её загорелой коже, механически кивал в знак согласия.

Макс некоторое время тоже любовался азиатской красотой барменши, а потом глубоко-мысленно произнёс:

– Старцы, которые потрясают костылями, – это ещё понятно. Но ей-то зачем вся эта шумиха? Популярности, что ли, ищет? Что ей не бегать по подружкам и не целоваться в клубе с парнями? Вон, и фигурка ничего. Пешком она пришла... У неё что, других дел нет? Могла бы книжки читать, на худой конец. Она же где-то учится?

– Ты что! Учиться, когда на носу конец света? – засмеялся Сергей. – Она девушка серьёзная, такими пустяками не занимается.

– Ага, только ходит по городу и мешает честным людям пьянствовать, пока время ещё есть, – словом, портит нам последние дни. – И Макс пошёл знакомиться с барменшей, чтобы не омрачать себе апокалипсис.

Домой Сергей шёл один, махнув рукой на так и не приехавший автобус. Ему удалось проводить Макса домой, хотя тот под хмельком рассуждал, что поговорить с красивой девушкой – ещё не измена. В прихожей друзей встретила Катя. Она устало улыбнулась Сергею, поблагодарила и догадалась не приглашать на чай, и он в очередной раз почувствовал уважение к ней, даже за такую мелочь. Каждый раз, когда его звали в чужую, пропахшую посторонней жизнью квартиру, Сергею становилось не по себе: сидеть в чьей-то кухне и говорить ради того, чтобы что-то сказать, пить чай, которого совершенно не хочется, и есть печенье, на которое даже не помотришь в магазине, – нет, не по нему такие вечера. Катя куталась в широкий свитер и снисходительно смотрела на Макса, который, оказавшись дома, помрачнел. В такой доброй семейной обстановке Сергей их и оставил.

Снег трещал под ногами не хуже телевизора во время профилактики на канале, прохожие прятали носы в перчатки, пуховик отказывался греть на таком холоде, до дома оставалось идти семь остановок, и Сергей в очередной раз подумал: а чем было плохо обычное, традиционное тёплое лето без этой арктической экзотики?

Он сначала сам не понял, почему остановился. Свет фонаря мягко лился на ночную улицу, искрились сугробы, в городе было тихо... Сергей стоял у подземного перехода и тупо смотрел перед собой. «Наверное, перебрал». – Но он прекрасно помнил, что выпил немного. И всё-таки стоял, недоумевая, что делает асфальт – много асфальта! – и снег там, где должна быть лестница вниз.

– Да, обвалился переход, – констатировал женский голос у него за спиной. – И я вообще удивляюсь, как он столько просуществовал, – его, как и всё в этом городе, не ремонтировали с самой постройки.

Сергей испуганно обернулся. Рядом стояла крошечная девушка, у которой из-под пушистого капюшона видны были только глаза и малюсенький нос. Он обернулся. Ему вдруг стало жарко. Он рывком достал из сумки фотоаппарат, но тот лишь тренькнул и написал, что батарея разряжена, – старая редакционная техника отказывалась работать на морозе. Сергей выругался. Надо звонить редактору, сделать снимки, поговорить с МЧС...

– А небо звёздное. Как в нормальном августе, – радостно заключила девушка, задрала голову. Она, задумчиво закусив палец, изучала чёрное небо над белым городом.

Сергею снова сделалось холодно, да так, что он едва сдержал зубы, которые рвались исполнить чечётку. Озноб прокрадывался в каждый закоулок его кожи, и Сергей почувствовал странную беспомощность. В городе обвалился подземный переход! Неслыханное событие! Где, чёрт возьми, МЧС? Почему не видно их синей формы? Где скорая? В переходе вполне мог кто-то находиться! И почему, почему здесь не толпятся журналисты?

Вокруг не было никого. Крошечная девушка продолжала исследовать звёзды. В нескольких окнах многоэтажек ещё горел свет, за тёмными квадратами, которых насчитывалось большинство, горожане мирно сопели в подушку. Завтра они выспятся после рабочей недели, пропустят новости и решат не выходить из квартиры в такую холодину. Потом-то, конечно, всколыхнутся... Но сейчас то, что принято называть «местом происшествия», пустовало. Пустовало как-то естественно и страшно. Как будто это нормально.

«Может, это случилось только что? Ну, совсем недавно?» – мелькнуло у Сергея. Но перила у первой ступеньки были так основательно согнуты и даже припорошены снегом и так было не по-городскому тихо, что его охватило сначала бессилие, а потом апатия. Сергей даже не расстроился, увидев, что сотовый тоже разряжен и, следовательно, он не может позвонить ни редактору, ни в МЧС.

– М-да... – бессмысленно протянул он.

Шоссе на три километра было перегорожено забором, до следующего, надземного, перехода оставалось минут десять ходьбы. Сергей закурил, неуверенно сделал два шага по дороге и не выдержал:

– Ерунда какая-то. Крупнейшее ЧП – а здесь ни души.

– Значит, и нам здесь делать нечего, – улыбнулась девушка.

– Вам далеко?

Оказалось, она живёт пятью домами дальше Сергея. А ему вдруг стало легко от осознания, что он не может ничего сделать. Дурачась, он очень серьёзно предложил девушке руку:

– Разрешите вас пригласить в удивительное путешествие по Ленинскому шоссе. Кроме нас, в городе, похоже, никого нет. Будет интересно. Всё равно что идти по вымершей Атлантиде. Кто знает, может, её катастрофа началась с того, что кто-то не заметил обрушившийся мост.

Он сам не понимал, что несёт, и ему это было всё равно. Если все сколько-нибудь ответственные службы города не заметили такого события, он вообще отказывается что-либо понимать.

Девушка шла как-то вдумчиво – как будто перед тем, как поставить ногу на снег, прикидывала в уме, как и зачем это сделает. Осмыслив сравнение с Атлантидой, она сказала как бы между прочим:

– Давно что-то не исчезали цивилизации. Как-то скучно. Представляешь, – она сразу перешла на ты, – замёрзнем мы тут, а лет через пятьсот люди будут находить наши зубные щётки и коробки из-под дисков и воссоздавать по ним наш быт.

Сергей усмехнулся.

– Кстати, в России то и дело вымирают целые деревни, в которых нет молодёжи, а старики копят гроши, которые им бросило государство, на собственные похороны. И мы не знаем, да и вряд ли когда-нибудь узнаем, какие деревни у нас были и когда их не стало. Знаешь, сотни таких маленьких атлантид, заброшенных где-нибудь под Тамбовом. И если Атлантида ушла под море, вулкан там взбесился или ещё что, то эти деревушки умерли, что называется, своей смертью.

Она обдумала его слова; у неё было очень выразительное лицо: она чуть нахмурилась, потом сосредоточенно кивнула какой-то своей мысли, улыбнулась так, словно про себя вздохнула, поняв что-то. Сергея такое внимание к его словам вдохновило.

– Впрочем, герои частенько спасали мир – по крайней мере, если верить Голливуду. Ну и в литературе они как минимум пытались это сделать.

На круглом лице девушки снова отобразилась целая гамма эмоций: брови, носик, глаза со смешинкой, ресницы – да что там, каждый миллиметр её кожи как-то отреагировал на сказанное. Она нагнулась и взяла горстку снега тоненькими детскими пальчиками; он быстро таял на её ладошке.

– Знаешь, а ведь подвиги всех героев были, в сущности, напрасны. Или не слишком нужны.

Сергей с интересом посмотрел на неё, ожидая продолжения.

– Сам посуди: если бы мы на какое-то количество минут раньше оказались здесь и как раз были бы в переходе, когда он обвалился, что это изменило бы? Сейчас мы умрём или через пятьдесят лет – всё равно: нам и тогда будет казаться, что это произошло слишком рано. По-настоящему это важно для наших близких, но не для нас самих. Мы бы не успели подумать ни о смерти, ни о том, что мы ещё хотели сделать в этой жизни. Герои спасали людей от физической гибели, верно? Но помнишь, как пишут в сказках: двум смертям не бывать, а одной... ну, ты знаешь. И она наступит всё равно не вовремя, мы точно не будем ей рады... А если, не дай Боже, будем – то зачем нужна была такая жизнь? Герои дают нам не спасение – отсрочку. Мы все умрём – рано или поздно. И ни ты, ни я ничего с этим не сделаем. Да, если кто-то спасёт нас, мы будем ему благодарны – но лишь потому, что остались живы. В противном случае нам будет уже наплевать. По сути, все герои – коллекционеры благодарностей, точнее, благодарных им людей.

– Тем не менее они же хотят, как лучше, – заметил заинтересованный Сергей.

– Да ну? – Дюймовочка насмешливо сморщила носик. – Не знаю... В Средние века писали романы о благородных рыцарях, сейчас снимают фильмы с Брюсом Уиллисом... Только в умных книжках пишут, что в реальности рыцари на каждом шагу жгли, насиловали, пытали и убивали, делали бедных и несчастных ещё беднее и несчастнее, а принцесс уж точно не спасали... ну, максимум брали в плен ради выкупа. Наверное, так и было... По крайней мере, я что-то Брюсов Уиллисов на улице не встречала.

Маленькая девушка говорила, и её ладошки без перчаток мелькали в непрерывной жестикуляции, словно она доказывала это не только ему, но и невидимому собеседнику, который не мог её слышать.

Сергей хотел было вставить что-то в защиту современников, но внезапно она остановилась и расхохоталась. Сергей огляделся, но не понял, что могло вызвать её смех, – они все так же шли по улице, мимо не работавшего из-за снега фонтана и поставленного год назад небольшого памятника Сергию Радонежскому. Он протягивал руку, благословляя нарядное жёлтое здание – областную думу.

– Это ещё кто? – продолжая посмеиваться, спросила она.

– Сергей Радонежский, – пожал плечами Сергей.

– Что он здесь делает? Улица вроде бы Ленинского Комсомола?

Сергей недоумённо глянул на неё.

– Это уже три года Сергиева улица.

– Забавно!

Её улыбка – нежная, напоминавшая, что принадлежит женщине, пусть и детского телосложения, – наполовину скрывалась в пушистом воротнике.

– Когда-то, ещё до Ленина, веке так в восемнадцатом-девятнадцатом, это была Разгульная улица. Знаешь почему? В этом вот здании был бордель. После революции его решили облагородить, проституток выгнали на улицу и велели проштудировать Маркса, и в здании поселились местные партийные шишки. После перестройки здесь была почта, а лет пять назад обсуждалось, сделать здесь театр или торговый центр. А решили – думу? Прикольно! Самое место! Но с Сергием Радонежским явно перестарались.

Сергей рассмеялся.

– Надо же! Не знал! А где ж ты была, что только что всё это заметила?

Она неопределённо развела руками:

– В другом городе. Я четыре года здесь не была.

– Почему?

– Училась... Да и вообще я не совсем отсюда – из одного маленького городка, глухой, вернее, уже давно совсем оглохшей провинции. Здесь у меня жили двоюродный брат и тётя. Я у них жила, когда училась в художественном училище. Правда, я его не окончила – перевелась в другое, далеко... Так уж сложилось.

– А теперь снова к брату приехала?

Девушка задумчиво улыбнулась и посмотрела на него с каким-то неуловимым подтекстом. В темноте играли и мерцали её тёмные глаза. Она медленно покачала головой.

– Он теперь тоже здесь не живёт.

– А тётя?

– Не знаю. Вряд ли она обрадуется, если я зайду к ней это проверить. Она убеждена, что я – худший вариант племянницы.

Сергей подумал, что она наговаривает на себя, – такой милой казалась ему эта маленькая девушка, капюшон которой маячил на уровне его локтя.

– Ты давно приехала?

– Не очень. Сегодня утром.

Сергей не смог скрыть удивления и остановился на секунду.

– Ты серьёзно?

– Ну да. Ой, снег опять пошёл!

С неба действительно снова посыпались снежинки и мягко оседали в складках её куртки. В городе по-прежнему было тихо.

– У моего мужа здесь родители жили...

Мужа? Сергей недоверчиво смотрел сверху вниз на её капюшон. Он думал, ей лет шестнадцать... ну ладно, восемнадцать. Ах да, она же сказала, что отучилась... Ознобом прокатилось по позвоночнику разочарование.

– ...Они нам и помогли квартиру здесь купить, а сами к дочери на север уехали. Там, где мы познакомились, у нас вообще никого не было, он тоже учился.

– Значит, ты не пригласишь меня на кофе, – с улыбкой заметил Сергей.

Она тоже усмехнулась.

– Ну отчего же? Приглашу... С мужем познакомишься. Хочешь?

Они переглянулись и рассмеялись.

– А я-то, дурак, уже подумал: может, у нас с тобой такая любовь будет... Смотри, как романтично: они познакомились у обвалившегося перехода...

– Ага! – Сейчас из-под её капюшона Сергей видел только улыбку, мягкую, умную, и кончик носа. – А тебе не кажется, что это плохая примета? Впрочем, я не уверена...

Сергей тоже улыбался. После того как он увидел обвалившийся переход, который город просто не заметил, ему неожиданно стало так безмятежно и хорошо, словно в детстве на летних каникулах в их с Леркой деревне.

– Ты любишь кого-нибудь?

Именно так, а не банальное: «У тебя кто-нибудь есть?» Она спросила это таким же тоном, каким обычно уточняют, чем заправлять салат.

– Нет.

Она кивнула так понимающе, что он поспешил пояснить:

– Я никогда не страдал от одиночества – не в том смысле, что не знаю, что это такое, а в том, что не страдал от него. Мне хорошо одному. И при встрече с любым, даже интересным мне человеком, девушкой, я не могу определиться, с кем мне лучше: с собой или с ней... В том, что я пошёл в журналистику, есть некая издёвка. Или, если хочешь, вызов – не знаю, как назвать. Я не нуждаюсь в людях – разумеется, кроме самых близких. То есть, я понимаю, что, наверное, завыл бы, если бы год прожил, никого не видя, – но общаться с кем-то меня не тянет. Неинтересно. Я попадаю в компании из ощущения, что так надо, – ну вроде как вынести мусор или помыть посуду: и неохота, и никуда не денешься. Какого чёрта я пять дней в неделю разговариваю с самыми разными людьми и делаю вид, что мне интересны их проблемы и их жизни, – сам, хоть убей, понять не могу.

– Тебе быстро надоедают люди? – Чёрные глаза внимательно смотрели на него сквозь мех; снежинки плотно окружили её лицо, и в свете фонарей было видно, что на висках и щеках у неё остались мерцающие дорожки от катившихся капелек.

– Да, наверное. Я устаю от них. Могу обидеть человека, хотя совершенно этого не хочу. Потом накручиваю себя, какой я гад, прихожу домой, падаю на кровать и пытаюсь просто забыть, что за стенами квартиры есть ещё что-то и кто-то...

Они подошли к обрюзгшей от балконных пристроек серой пятиэтажке – её дому. Во дворе валялись перевёрнутые качели, уже давно вклинившиеся в землю в таком искалеченном виде. Сергей присел на холодный бортик.

– Это, наверное, изощрённая форма самовлюблённости – считать, что от самого себя мне намного больше проку, чем от всей планеты. А любовь... она приходит – и уходит, когда я понимаю, что знаю наперёд всё, что она скажет, сделает, подумает... Нормальные люди в этом случае испытывают нежность, а я псих какой-то. Сначала становится всё равно, со мной она или нет, потом просто скучно, начинаешь думать, чем бы я мог заняться или, наоборот, не заняться, если был бы сейчас один. А потом начинаешь раздражаться. Злишься на себя, на неё, на то, что все человеческие отношения, как бы они ни начинались, всё равно вгоняются в одни и те же рамки. А дальше – уже просто тоска зелёная. Вот я тебя совсем не знаю – мне с тобой интересно, охота перья распушить и всё такое. Если бы у тебя не было никакого мужа, мы бы сейчас стали целоваться и разошлись бы, или не разошлись, счастливыми людьми. А прошло бы с полгода – и всё, нет сказки, есть скучное «моя подруга». Я не хочу тебя обидеть, что ты, может, какая скучная, – нет, ты можешь быть самой замечательной, умной, интересной девушкой – да ты такая и есть, я не сомневаюсь. Просто я такой.

Она отошла чуть назад и неожиданно заслонила ему глаза замёрзшей ладошкой.

– И когда тебе станет скучно, ты закроешь глаза. И сможешь забыть, что я – это я. И тогда в твоих руках окажется любая женщина. Понимаешь? Ты можешь метаться от женщины к женщине – а можешь просто закрывать глаза.

У Сергея пробежали знакомые мурашки от затылка к лопаткам. Её холодные пальчики слегка давили на его веки. Их город вдруг стал Атлантидой, заброшенной и погибшей, где они неожиданно встретились на пустых улицах и оказались единственными спасшимися людьми.

– Снега-то сколько! – Она убрала ладонь, и Атлантида исчезла – остался двор, пивные бутылки под лавками и ночные новости, которые доносились из чужой форточки.

– А ты не думал, какое классное выражение: «Они гуляли под чистым августовским снегом»?

Она улыбнулась и помахала ему рукой:

– Счастливо. – Достала из кармана ключи и скрылась за железной дверью подъезда.

Сергей остался один на сломанных качелях. Вокруг неслышно падал снег. Гас свет в окнах. За каким-то из них она сейчас сняла куртку и поцеловала мужа. Как все. Как положено.

Он встал, несколько огорошенный, и пошёл к своему дому. На снежной дороге валялись почерневшие листья клёнов. Козырёк над подъездом обзавёлся небольшим сугробом. Во дворе стоял снеговик, холодно блестели в свете окон покрывшиеся тонкой корочкой льда обломки качелей. Глянув на них, Сергей ощутил, как пробежали мурашки от затылка к позвоночнику. На глаза как будто снова легла крошечная ладошка той девушки.

В лифте Сергей вспомнил, что не спросил её имени.

5

– Мне пора. – Лерка вышла из ванной и немедленно начала собираться. Хотя она уже была здесь, не сразу нашла, где оставила сумку. Точно, в коридоре. Дурацкая у этого Вадима комната – кроме кровати и компьютера на крошечном столике, нет ничего. Ах да, ещё стул, на котором горой свалены его джинсы и майки. И полотенце у него какого-то отвратительного мышиного цвета, вытираться неприятно. Лерка удивилась вдруг вспыхнувшему раздражению – раньше Вадим казался ей неплохим парнем с хорошим чувством юмора и крепкими плечами. Глянув на него сейчас, – он хмуро курил у форточки и ворчал, что опять она убегает рано и внезапно, – Лерка поняла: с ним пора завязывать. Мало ли их таких было. Витя: хорошее чувство юмора, пустой кошелёк, идиотские плакаты в комнате. Сашка: «ауди», дешёвое пиво в холодильнике и бутылки под кроватью. Димка: пьёт кипяток, чуть подкрашенный чайным пакетиком, и без меры обливается дешёвым одеколоном. Коля. Никита. Денис... Безответно влюбившись однажды в четырнадцать и проревев пару месяцев, Лерка решила, что больше такой глупости не сделает. С тех пор от ребят отбоя не было.

Она шла по августовскому снегу, предвкушая, как заберётся под одеяло с книжкой и шоколадкой. Но за дверь её ждал неприятный сюрприз: на коврик стояли незнакомые ботинки.

Лерка так и застыла на пороге, даже не вытащив ключа из замочной скважины. В квартире кто-то был, и явно не хозяйка притопала в здоровых мужских туфлях на шнуровке.

У Лерки застучало в висках – она здорово испугалась.

– Серёж? Макс? – крикнула она наугад. Никто не отозвался, и она уже хотела со всех ног броситься вон из квартиры, как из комнаты вышел незнакомый человек. Больше того – незнакомый священник.

Лерка замерла, вжавшись в дверной косяк.

– Извините, – священник улыбнулся. Это был молодой человек с собранными в хвост светлыми волосами. – Вы – Валерия?

Прежде Лерку так называла лишь Разбегаева – обычно перед тем, как отправить на передачу. Поэтому прошло секунд тридцать, прежде чем она настороженно кивнула:

– Да... я.

– Вы уж меня простите, это страшно невежливо с моей стороны, но мне нужно было срочно прийти сюда. – Он объяснялся неторопливо, помогая себе плавными, неширокими жестами красивых рук. – Я сын вашей квартирной хозяйки. Роман.

Лерка почувствовала, что медленно сползает по косяку.

– Я хотел забрать кое-какие свои вещи, – добродушно улыбаясь, сказал Роман. – Вот только не все нашёл. – И он посмотрел на Лерку вдруг посерьёзневшим и внимательным взглядом, словно она могла что-то в этом прояснить.

Лерка же поняла только одно: этот Роман без неё и Сергея шарил по квартире, набитой их вещами. И ещё жалуется, что чего-то не нашёл.

– Вы проходите, – пригласил Роман. Тут только Лерка сообразила, что дверь до сих пор открыта, она топчется на пороге, а в её квартире хозяйничает чужой. Она ещё раз критически посмотрела на него, но решила, что на грабителя-рецидивиста он не похож – хотя при желании надеть рясу может кто угодно.

– Как зовут вашу маму? – требовательно спросила Лерка.

Роман рассмеялся и назвал имя. Оно совпало с тем, которым представилась квартирная хозяйка. Подозрительно прищурившись, Лерка вошла и прикрыла дверь.

– Чаю? – предложила она только для того, чтобы подчеркнуть: хозяйка здесь всё-таки она. Но Роман неожиданно согласился.

– С удовольствием.

Лерка от такой наглости чуть не упала. Скрыв досадливую мину, отправилась в кухню. Роман – за ней.

– Печенье у вас аппетитное, – улыбнулся он.

Лерка с сомнением покосилась на вазочку с крекером трёхнедельной давности и неуверенно кивнула.

Они пили чай, и Лерка беззастенчиво разглядывала его. Молодой, симпатичный... Как такие только в священники идут? «Впрочем, это довольно эстетично – такой красавчик с крестом в одной руке и Библией – в другой», – нервно теребя в руках чайную ложку, подумала Лерка. Тут она вспомнила о Евангелии, найденном в кладовке. Это её немножко успокоило.

– Лера, скажите, вы обои случайно нигде не срывали?

Лерка поперхнулась.

– А вы что, не видите – вся квартира ободрана!

Роман не смутился. Скорее, кивнул сам себе разочарованно.

– Да, знаю, звучит довольно глупо. Но, может быть, случайно...

– Как можно случайно сорвать кусок обоев? – рассердилась Лерка.

Священник вздохнул.

– Плохо, что не срывали.

Лерка захлебнулась чаем. Откашлявшись, неуверенно взглянула на Романа:

– Вы шутите, да?

– Разве? – в свою очередь удивился священник.

Тут Лерка решила, что наконец поняла смысл выражения «не от мира сего». И поверила в то, что это определение действительно подходит священникам.

Роман поспрашивал её об учёбе, о работе Сергея и родителей, но взгляд его точно упёрся в какую-то мысль – видно было, что интересуется он только из вежливости. Не забыл уточнить, ходит ли она в церковь. Когда она ответила, что редко, на его лице появилось выражение, будто он не то что ожидал – знал, что именно так она и скажет.

– А брат? – тем же тоном постороннего взрослого, который расспрашивает ребёнка о делах в школе, осведомился он.

– Тем более, – хмыкнула Лерка, ожидая душевительной беседы. Её не последовало: Роман всё так же смотрел куда-то перед собой.

– Он журналист, говорите? О чём пишет?

«Тебе же неинтересно! – возмутилась про себя Лерка. – Топал бы себе на здоровье и думал о чём захочется. Можно подумать, что страшная грубость – не задать вопроса о работе и учёбе. Хотя ни одному нормальному человеку это не интересно. Ещё бы детские фотографии попросил посмотреть». Она старалась убедить себя, что абсолютно спокойна, но всё же нервно наматывала на палец прядь чёрных волос.

– Всякое социальное. Кого где обидели, где власти чего не так сделали...

Роман посмотрел на неё всё тем же взглядом, который обычно называют отсутствующим.

– Опасная тема. Где кому дорогу перейдёт – и всё, костей не сосчитает...

– Ой, да ладно! – перебила Лерка, усмехнувшись. – Как раз по нашим-то временам никому дела нет до того, что ты пишешь. Это уж как хозяин газеты скажет, так и работаешь. Пиши – не пиши, а мира не изменишь. Про мэра сколько вон писали! И вор, и убийца – а он всё равно который год выходит и поздравляет город с праздниками. С улыбкой, как ни в чём не бывало. И чихать он хотел на то, что про него пишут в газетах.

Роман рассеянно кивнул.

– Да, про Казанина давно ходят очень тёмные слухи.

Лерка раздражённо покосилась на священника.

– Какого Казанина? У нас уже три года Смирнов.

Роман выразил вежливое удивление. Лерка посмотрела на него с подозрением.

– Как же вы ухитрились этого не заметить?

– Ну, как раз около трёх лет, а собственно, и несколько больше, я был за семьсот километров отсюда. – Он улыбнулся. Лерка неожиданно для себя заметила, что ряса ему идёт.

– Навестить маму приехали? – понимающе уточнила она.

– Ну... вроде того.

Роман поднялся и поблагодарил за чай. При всей своей вежливости он, не спрашиваясь, прошёл в комнату и зачем-то подошёл к балкону, заглянул за штору.

– Лера, есть у вас клей?

У Лерки вытянулось лицо, она кивнула, но тут заметила, что солидный кусок обоев справа от балконной двери был оторван. «Ах, это я обои срываю!» – Весь её кипучий темперамент вылился на священника. Она высказала, нет, прокричала всё, что думает о человеке, который в отсутствие хозяев проникает в дом. «Раз вы сын хозяйки, думаете, вам всё можно, а мы вроде бедных родственников, которых и спрашивать не надо? Думаете, ваша квартира? Мы с братом за неё платим!» «Мы» было сильным преувеличением, но Лерку это не смущало. Как ни странно, Романа тоже. Он мягко улыбнулся. Лерку это взбесило окончательно. Но не успела она выкрикнуть ни слова, как он успокаивающе заговорил:

– Я вас прекрасно понимаю. Но видите ли, по молодости я тут оставил кое-какие... сбережения. Это звучит глупо, но тогда мне казалось, что это надёжное место. Потом мне пришло в голову, что обои можно переклеить, но я вижу, они всё те же. А вот сбережения пропали. Если бы их нашла мать, она, конечно, сказала бы мне. Значит, не она. И не вы. – Он вздохнул. – Может, кто из прежних жильцов... Жаль. Мне бы они сейчас оченьгодились.

Лерка хмуро молчала с минуту, в упор глядя на него. Потом молча принесла клей.

Когда с делом было покончено, Роман извинился. Тогда Лерка снизила и пробормотала что-то насчёт того, что «тоже была не совсем права», даже спросила, есть ли он «ВКонтакте», и так удивилась, увидев задумчивый кивок, что предложила ещё чаю.

– А разве вам... положено?

Роман рассмеялся, и Лерка подумала: «Совсем как нормальный парень».

– Во-первых, давай на ты, я не такой старый, – предложил он. – Во-вторых, честно говоря, я ушёл из церкви – сегодня рясу сниму и больше не надену. В-третьих, да, положено.

Роман в Леркиных глазах становился всё интереснее.

– Ты женат? – начала она атаку, хотя прекрасно видела отсутствие обручального кольца, – завязывала душевный разговор.

Роман заметно помрачнел и покачал головой.

– А что так? – Лерка небрежно откинулась на стуле и перебросила волосы на одно плечо, полагая, что так она особенно эффектна.

Вопрос, а точнее, осознание того, что надо отвечать, явно раздосадовал Романа. Он улыбнулся, но как-то вымученно:

– Не сложилось.

Лерка не сдавалась:

– А девушки тоже нет?

Роман посмотрел на неё с насмешливым изумлением:

– Откуда такой интерес?

Но Лерку смутить было не так просто.

– Не хочешь – не отвечай. – Она нарочито пренебрежительно пожала плечами.

Роман вздохнул, и в лице его как-то враз не осталось ничего смешливого.

– Знаешь, тут правда нечего ответить. Лучше бы её не было. Лучше бы – никогда... Я её четыре года не видел, а она... Это зависимость.

Лерка удручённо посмотрела в окно, приготовившись слушать исповедь. Безнадёжно влюблённый – это ж надо, чтобы ей так не повезло! Её внимание уже улетало из этой кухни, когда она заметила, что Роман пристально смотрит на неё – и в глаза его вернулись искорки.

– Впрочем, мне уже давно пора лечиться, – сказал он, взял салфетку, написал на ней фамилию и протянул ей. – Найди меня в соцсетях, поболтаем.

Роман взял плотно набитый пакет, который ждал его рядом с ботинками и который Лерка сразу не заметила, и наконец ушёл. Закрыв за священником дверь, она некоторое время вертела в руках салфетку, потом усмехнулась. Лечиться так лечиться, почему бы и нет? Выступит в роли сестры милосердия...

В комнате Лерка задумчиво покосилась на то место внизу стены, которое аккуратно заклеил Роман.

«Здесь были бабки», – тоскливо подумала она. Сбережения, которые надо прятать под обоями, в её воображении выросли в астрономическую сумму.

Прежние жильцы. Вполне возможно. Лерка тут же возненавидела их, кто бы они ни были.

Пикнул домофон. «Серёжка», – констатировала она. И задумалась. Если бы она нашла кучу денег, она бы ему сказала? Наверное, да. По крайней мере, сразу бы завопила: «Серёж, смотри!» Но если бы его не было дома... У неё оказалось бы время подумать, остыть. Пожалуй, Лерка не могла утверждать, что сообщила бы о своём открытии. И уж точно она бы долго думала перед тем, как решить поделиться такой новостью. Кто знает, может, Сергей...

Дверь открылась. Сергей вошёл весь в снегу и довольно злой.

– Ты готовила что-нибудь?

– Пельмени в морозилке, – отозвалась она.

Он буркнул что-то себе под нос.

– Только пришла, что ли?

Тут Лерка заметила, что так и не переделась в байковую рубашку, в которой ходила по дому.

– Нет. Тут, представляешь, такая фишка...

Она рассказала о священнике. Денег она не находила, скрывать было нечего. Зато за лицом брата Лерка наблюдала внимательно. Когда дело дошло до обоев, он заметно оживился. Правда, это ни о чём не говорило: любому нормальному человеку показалось бы любопытным наличие кладя у себя дома.

– Он сказал, сбережения?

Сергея это немного озадачило. Но потом он сообразил – не для того те снимки так тщательно прятались, чтобы болтать о них.

– Молодой священник-то? – как мог безразлично спросил он.

– Тридцатника, поди, нет. Лет двадцать восемь, может. Симпатичный такой.

– Ну-ну! Ты мне ещё про цвет волос расскажи! – Он насмешливо скривился, гадая про себя, попадётся сестра на эту удочку или нет.

Лерка попалась.

– И расскажу! Светлые волосы. Тоже симпатичные. В хвостике. – Она с вызовом посмотрела на брата. Но он уже знал всё, что его волновало.

Мужчина на фотографии был молод. Блондин с собранными в хвост волосами. Это всё объясняло. Большинству людей нет нужды прятать такие невинные кадры. Но священнику... Сергей вспомнил алый шарфик, кочующий от снимка к снимку. И усмехнулся, уже не слушая Лерку, которая гадала, кому достались деньги из-под обоев. Всё оказалось гораздо проще, чем казалось.

Бреясь в ванной, он вспоминал снимки. А девчонка-то хорошенькая! Эх, батюшка...

Лерка сидела на кровати и, едва брат вошёл в комнату, уставилась на него сверлящим взглядом. Он усмехнулся про себя и улёгся на диван.

– Не стыдно подозревать родного брата в таких вещах? – спросил он.

Лерка хотела изобразить недоумение, передумала и честно призналась:

– Ни капельки.

– И почему я не единственный ребёнок в семье? – добродушно повторил Сергей старую шутку. Лерка швырнула в него подушкой, которую он немедленно положил под голову, и оба успокоились.

Ночью Лерка, осенённая подозрением, заглянула в кладовку. Так и есть: коробки с обрывками писем, тетрадками, Евангелием и алым шарфом там больше не было.

Птица кричала резко, пронзительно и жалобно. Она испускала тонкий вопль в городскую ночь, будто выстреливала длинной тонкой иглой. Её крик становился всё чаще и чаще. Если раньше казалось, что она просто такая вредная, эта птица, то теперь, когда её механические вопли иногда прерывались тонкими всхлипами, было похоже, что она кричит сквозь рыдания и страшную муку.

Лерка в очередной раз в бешенстве перевернула подушку.

– Серёж, убей эту сволочь. Я так больше не могу.

Был второй час ночи, но она знала, что брат не спит. Птица не давала им спокойного сна уже две недели, с тех пор, как поселилась где-то рядом. Она кричала только по ночам, но так громко, что и сквозь закрытые окна разрезала сознание пополам. Её крик звучал как нож, которым резко проводишь по мокрому стеклу. Иногда в этом страшном визге прорывался такой надрыв, что Лерка съёживалась под одеялом, а по локтям пробегали мурашки.

– У меня нет даже банальной пневматики, – хмуро отозвался Сергей, и по голосу было понятно, что он глубоко об этом сожалеет. – И эта тварь не могла поселиться низко на дереве, не настолько она тупая. За такие концерты её бы в первую же ночь приговорили.

Лерка раздражённо вылезла из кровати и подошла к окну. Во дворе тускло светил единственный фонарь, но темно не было: снег делал сам воздух нежно-сиреневым, в нём чётко прорисовывались колченогая лавка, сломанные качели, помойка, песочница, плешивый пёс, пробежавший по бордюру, – всё, кроме проклятой птицы.

Лерка смотрела на снег. Пятнадцатое августа. До сих пор каждый год в это время она объедалась сливами – у них в деревне был небольшой садик. Но всё погибло, помёрзло, и даже как-то смешно казалось вспоминать о временах года. Стояла глубокая, суровая зима – или лето? Как правильнее? Озябший термометр за стеклом показывал минус двадцать семь. Двор казался вымершим, пёс, мелькнув, скрылся из виду. Лерка хотела нырнуть обратно под пуховое одеяло. Вот только эта птица кричала и кричала навзрыд.

– Она издевается, – жалобно простонала Лерка.

– Тебе-то что, – буркнул Сергей. – Тебе рано не вставать, отоспишься, когда уснёт эта пернатая скотина. А я уже вон сколько приползаю на работу с такими синяками под глазами, что девчонки прикальваются. Думают, я по девкам шатаюсь целыми ночами. А я не сплю из-за какой-то птицы, чтоб она замёрзла!

Синоптики делали жуткие прогнозы, власти объявили чрезвычайную ситуацию. В этом году на всей территории страны не будет собрано ни единого зёрнышка, ни одной картофелины. Политики орали до хрипоты, споря, кто из них больше не готов к такому положению, а Лерке Волковой в маленькой квартирке в провинциальном городе было страшно.

– Когда же она замёрзнет! – зло повторил Сергей.

И хотя Лерка отчаянно ненавидела эту птицу, и уши сжимались от каждого ежесекундного вопля, что-то неприятно шевельнулось внутри. Если она так бодро кричит при минус двадцати семи, какой нужен градус на улице, чтобы она замёрзла? И Лерка неожиданно подумала: если птица перестанет кричать, начнут погибать не только пшеница и огурцы.

Вздрыгнув и поджимая пальцы на озябших ногах, закутанных в две пары шерстяных носков и присланные матерью из деревни валенки, она побежала обратно в кровать.

Метеорологи не предсказывали ничего утешительного. Снег не просто отказывался таять – синоптики грозили резким похолоданием. «Куда больше?» – ахнул Сергей, сидя на пресс-конференции в местном гидрометцентре: когда он выходил из дома, на градуснике было минус тридцать три. Ему квалифицированно объяснили, что это далеко не предел, зима, которая, по сути, уже началась, обещает быть исключительно холодной, не исключены температуры до минус сорока уже на этой неделе, и «такие погодные условия сохранятся до конца августа», как деловито и серьёзно сообщила Катя журналистам, с которыми держалась почти не скованно, хоть и давала интервью впервые. Вообще-то она была выездным специалистом; впрочем, всё, что Сергей знал о её работе, сводилось к вечным шуткам о достоверности прогноза погоды на 50 процентов и о самочувствии озимых в соседних районах.

Когда все вышли покурить с журналистами, Сергей отозвал Катю в сторону.

– Ну теперь давай объясняй мне профессионально, откуда это всё взялось? – Он кивнул на сугробы во дворе гидрометцентра.

Катя флегматично заправила каштановую прядь под вязаную шапку и, затаившись, призналась:

– А шут его знает, Серёж. Никто ничего понять не может.

Сергей так и застыл с зажигалкой в руках.

– Подожди... А сейчас ты что втирала? Ну, все эти бла-бла-бла на полчаса?

Катя скривилась.

– Нет, а ты хотел, чтобы мы вышли и сказали: «Ой, надо же, как интересно получилось!»? Да нет, в принципе, обоснования-то находятся – штука в том, что у всех они разные. Может, и правда объективные причины, только по-моему – полная аномальщина. Во всяком случае, – она усмехнулась, – в универе такому не учили.

Докурив, они попрощались, и Сергей отправился в редакцию писать очередной материал про августовские морозы, размышляя над признанием Кати и качая головой: ох уж эти синоптики...

В корреспондентской комнатке никого не было. Сергей поставил чайник и вдруг услышал характерный звук за спиной: загружался компьютер. Озадаченно нахмурился: он точно помнил, что не успел его включить. Но очевидность явно восставала против памяти. Впрочем, сила привычных жестов в том и заключается, что их не замечаешь... Придя к такому выводу, Сергей хотел было отвернуться, но заметил вместо привычной змейки вспыхнувшие на экране слова: «Они гуляли под чистым августовским снегом».

Сергей замер, ошарашенно глядя на монитор, но буквы уже исчезли. В этот момент раздался телефонный звонок.

Запах был насыщенный, глубокий, волнующий. В нём совсем не выделялось конкретных нот – никаких там елей или трав. Но он будоражил, даже мурашки побежали по позвоночнику, и Лерка, закутавшись в рубашку Романа, поднесла воротник к самому носу, чтобы поглубже вдохнуть аромат одеколona.

Наслаждаясь запахом, она повнимательнее обвела взглядом комнату. Просто, почти бедно. Печь – настоящая, дровяная! – кровать, стол, нетбук на стопке книг, маленький ЖК-телевизор на стене, иконы в одном углу и старинное зеркало – в другом. Квартира, которую Лерка и Сергей снимали у матери Романа, была обставлена куда современнее. «Не представляешь, как бы я хотел здесь всё изменить! – с тоской в голосе признался Роман, приведя её в этот по меньшей мере столетний дом. – На работу я устроился, вот сейчас деньги появятся – и...» Впрочем, дальше Лерка не слушала, ей было вполне достаточно информации, что мать

Романа сегодня – в ночную смену и не застанет её, щеголяющую лишь в расстёгнутой сыновней рубашке.

Сначала были несколько вечеров в соцсетях с трогательно-серьёзными разговорами о смысле жизни, искусстве и политике. Потом два свидания в кафе, на которых они легко проболтали по несколько часов. Говорили обо всём, кроме истории несчастной любви Романа. Лерка, успевшая выдать пару пустяковых эпизодов из своего прошлого, сгорала от любопытства и пыталась что-то выведать. Роман пресёк все попытки фразой: «Поверь, это отвратительная история, и мне очень хочется никогда её не вспоминать». Эпитет «отвратительная» показался Лерке достаточно веским аргументом, и она отстала. А вскоре Роман пригласил её поужинать у него дома. «Посмотришь, в какой дыре я живу, и убежишь». Только Лерке до подгнившего пола, непроведенного АОГВ и примитивной канализации не было никакого дела. Она деловито погасила свет, оставив ночник над кроватью, включила музыку в нетбуке и приготовилась к романтике. Впрочем, Роман продолжал говорить о высоких материях. Лерку привело в восторг, что, несмотря на полумрак, было очевидно: бывший священник смущался и даже чуть краснел от столь вопиющей интимности третьего свидания. Пожалуй, он бы ближе к полуночи стал провожать её домой, если бы Лерка не уселась ему на колени так решительно, что сомнений в том, чем она намерена заниматься, остаться просто не могло.

За дверью послышался топот – Роман, покурив, вернулся с крыльца и стряхивал снег с ботинок.

– Обалденный у тебя одеколон! – крикнула Лерка, вертясь перед зеркалом; рубашка Романа, как и вещи всех её бывших мужчин, безусловно, ей очень шла.

– Обалденный у меня что? – посмеиваясь, переспросил Роман, входя в комнату из сеней. В ночной тишине дома он вдруг стал и раскованным, и уверенным. Лерка поймала себя на мысли, что ей нравится смотреть на него такого – спокойного, отдохнувшего.

– Одеколон! – Она обернулась к нему и с блаженной улыбкой зарылась лицом в рубашку. – Что за марка? Просто с ног сшибает! С ним все девушки – твои!

Лерка ожидала, что её слова польстят Роману. Но вышло наоборот.

– Я уже четыре года не пользовался одеколоном, – медленно сказал он. Спокойствие с его лица как ветром сдуло. Роман, озадаченный, подошёл к Лерке и нагнулся, вдыхая запах. Потом сделал шаг назад и нахмурился, напряжённо о чём-то размышляя.

– Ром, что...

Он сделал протестующий жест, не давая ей договорить.

– Ты её взяла из шкафа? В ящике нашла или на дальней вешалке? Может, она из старых... – Роман с сомнением рассматривал рубашку на девушке. Та покачала головой.

– Ром, ты с ума сошёл? Да тут она, на спинке стула висела.

Роман, вздохнув, сел на кровать и спрятал лицо в ладонях. Он не менял позы довольно долго, и Лерка, не выдержав, приблизилась и нежно провела рукой по его густым светлым волосам.

– Да что с тобой?

Роман покачал головой, отнял руки от лица и, притянув Лерку к себе, поцеловал. Затем откинул одеяло с кровати.

– Поздно совсем. Давай спать.

Убаюканная теплом мужских рук, Лерка уснула мгновенно. Но через пару часов, выпав из одного сна и не успев попасть в другой, проснулась. Романа рядом не было.

В глухой тишине дома, за стеной, Лерка различила еле слышное движение, похожее на царапание. Слегка встревоженная, она закуталась в одеяло и вышла в сени.

Роман сидел на пороге чулана. Перед ним стояла бутылка коньяка. Рюмки рядом не было, но, похоже, ему это не мешало. Над головой Романа серую дверь чулана кокетливо обрам-

лял красный муаровый шарфик. Лерка удивилась, что не заметила такой неуместный элемент декора сразу, когда пришла. Она с недоумением, переходящим в испуг, наблюдала, как её новый парень кухонным ножом вырезает на дверном косяке восьмиконечный крест.

Он поднял на неё глаза и, вздохнув так, будто получил сообщение, что всю оставшуюся жизнь ему без выходных грузить вагоны, отложил нож и отхлебнул из бутылки.

Некоторое время оба молчали. Наконец Лерка, чувствуя, что замерзает в продуваемых сенях, ровным тоном сказала:

– Может, объяснишь.

Роман обречённо взглянул на неё.

– Не отпускает, – выдохнул он и сделал ещё глоток. – До сих пор не отпускает.

– Что не отпускает? – не поняла Лерка.

Роман глазами указал вверх.

– Это же не ты сделала?

Через пару секунд до Лерки дошло, что он имеет в виду шарфик.

– Нет, конечно, – фыркнула она.

Роман кивнул.

– Вот и я так думаю, – сказал он и надолго припал к коньяку. – Говорю же: не отпускает...

Лерке стало страшно. В конце концов, что она знает о хозяйкином сыне? Несколько десятков сообщений да пара не слишком шикарных ужинов. А может, он сумасшедший... и сбежал не из церкви, а из психушки?

– Почему ты сидишь здесь? Холодно же.

– Холодно – это ещё не беда, – сирым от алкоголя голосом сообщил Роман. Вдруг он резко встал на ноги, сорвал шарфик с косяка, плюхнулся обратно на порог и принялся яростно резать тонкую ткань на кусочки. Лерка, распахнув глаза, с нарастающим страхом наблюдала, как старые доски усеиваются алыми клочками.

– А что в чулане? – Она думала, что сможет вывести разговор в нормальное русло. Но Роман встретил её вопрос смехом, перешедшим в заунывный стон.

– Иди да посмотри, – вздохнул он тяжелее прежнего. Лерка перешагнула через бутылку, его колено и оказалась в узком помещении, по которому блуждали сильные запахи трав, пыли и ветхости. Лампочки здесь не было, в чулан падали лучи света из сеней. Лерка разглядела верёвки, на которых скорчились пучки трав, пару сундуков из тех, что чаще увидишь в кино, чем в жизни, корзины...

– Душица с прошлого года, что ли, осталась? – спросила она.

– Если бы... – ответил Роман за её спиной; слышно было, как забулькало в бутылке.

Лерка пожала плечами, протянула руку к одному из пучков – и тот медленно закачался, не дождавшись её прикосновения. Она застыла, ничего не понимая. Ей стало страшно.

– Рома! – жалобно крикнула она, повинувшись детскому желанию: пусть он войдёт и уведёт её отсюда за руку. Будто в ответ на звук её голоса, в дальнем углу чулана что-то зашуршало, и паралич первого шока спал с Лерки. Отведя наконец взгляд от мерно раскачивавшегося пучка, она посмотрела в ту сторону. На долю секунды ей показалось, что она увидела кого-то за сундуками. Лерка готова была завопить, но тут Роман обернулся через плечо.

– Ну что, много интересного нашла?

За сундуками, конечно, никого не было, и пучок душицы – или что бы там ни сохло – висел неподвижно. Под бешеный стук сердца Лерка вышла из чулана, где её неожиданно крепко обнял Роман.

– Лерок, прости. Пожалуйста, прости. Ты замечательная, правда. Я думал, всё у нас может получиться, выгатишь ты меня, но... мой случай, похоже, совсем запущенный. Прости ещё раз. Ты только не думай, что я с тобой так хотел, на одну ночь, очень тебя прошу, даже в голову ничего подобного не бери. Честное слово: в мыслях не было! Просто... это сложно объяснить...

Пьяный Роман продолжал бессвязно оправдываться. Лерка рассеянно гладила его по волосам, машинально приговаривала, что всё будет хорошо. А сама думала, что никогда больше не придёт в этот дом. И тараканы в голове Романа слишком буйные, и она не знает, как вести себя в неадекватных ситуациях... И то, что, возможно, мелькнуло в глубине чулана, смотрело на неё слишком недобро.

– Привет, что ты делаешь сегодня вечером?

Бархатистый женский голос в трубке. Всё ещё не пришедший в себя после надписи, мелькнувшей на мониторе, Сергей уточнил:

– Эээ... Вы куда звоните?

– Сергей? Тот, который у перехода? Ну, помнишь? Я, кажется, тогда не сказала – меня зовут Ада. Не узнал? Не важно. Слушай, у меня мало времени, но я хочу кое-что тебе показать. Значит, давай у памятника этому... как его... Скобелеву... или Кутузову... ну, на коне который... а, Георгию Победоносцу! В семь, договорились?

– Ада... – Сами собой вспомнились холодные ладони на его закрытых глазах. – Ну... наверное...

Собеседница истолковала его задумчивое мычание весьма однозначно:

– Вот и отлично! Смотри не опаздывай, в семь у нас уже автобус!

Сергей слушал короткие гудки секунд десять, прежде чем осознал, что разговор окончен. Его ждут сегодня в семь. На автобус. Чёрт знает какой. И куда он идёт. И зачем.

«Большая какая-то!» – сердито подумал он, закуривая. Делать ему больше нечего, как в мороз ехать куда-то с малознакомой замужней женщиной! У него, между прочим, дела, и отоспаться надо, и...

Без пяти семь он подошёл к памятнику «на коне».

Ада уже ждала его. И снова Сергей поразился, до чего она крошечная, почти игрушечная. Где она берёт одежду такого размера – в детских магазинах? Но из-под объёмного капюшона чернели глаза – не просто взрослые: древние... Очень жёсткие глаза, подумалось вдруг ему.

– Не вздумай спрашивать меня, куда мы едем! – попросила Ада, подходя к нему и забирая его ладонь в кожаной перчатке в свою, неприкрытую, а затем негромко добавила:

– Привет.

Было в её руке – или в глазах? – что-то, лишаящее собственной воли. Сергей с интересом ждал продолжения, превратившись в самого покорного зрителя. И вот в следующее мгновение подошёл автобус. Взглянув на номер, Сергей оторопел.

– Это же пригородный!

– Ну да. А ты какой хотел, сразу междугородный? Не спешите, молодой человек, мы только познакомились. – И Ада спокойно, но настойчиво затолкала его в фыркающий и трясущийся пазик.

Сергея этот незапланированный выезд из города очень тревожил. Но было в Аде что-то такое, от чего почти подсознательно ему хотелось ехать с ней; даже сейчас, положив голову на жёсткое сиденье пазика, он вдыхал аромат её духов, и ему казалось, что это запах какого-то другого мира, где девушки не просят вынести мусор и где нет тоскливого чувства привыкания... Он не знал об Аде ничего и ещё, пожалуй, не мог чётко сказать, зачем идёт за ней, но его будоражила новизна ощущений.

У Сергея было много вопросов, но... Он очнулся от того, что Ада трясла его за плечи, – оказалось, задремал, хоть и не мог понять, как это получилось. В автобусе уже никого не было, и водитель прикрикнул, чтоб они поторапливались. Сергей машинально обругал его и вышел на улицу.

Столбик термометра не поднимался выше минус 30 градусов вот уже полтора месяца, но Сергей, как и все, не мог привыкнуть к холоду, который не пронизывал – мгновенно вцеплялся в человека, едва тот высовывал нос на улицу, как бы сначала напуская страха перед морозом, который заберётся во все вены и артерии минуты через три – не больше. Но когда Сергей увидел белые сосны, которые высились вокруг, все остатки смутной романтики, которая кружилась в нём по дороге, выветрились вместе с мерзким ветерком.

– Где мы?

– Я завяжу тебе глаза.

Его «ЧТО???» утонуло в её варежке. На глаза лёг шерстяной шарф.

– Так даже теплее, – шепнула Ада.

И тут Сергея перестало волновать всё. Даже если нашлись идиоты, которым требуется его скромная записка и ноутбук и они поджидают его с финками в лесу, даже если через минуту он окажется у оголтелых сатанистов, даже если ей просто нравится приводить людей в лес и оставлять их замерзать под ёлочкой – он будет идти с ней, сжимая крошечную ладошку.

Снег отчаянно скрипел под ногами, будто он шёл по попкорну. Холодно было жутко, и он подумал о противной птице в их дворе – неужели она это переживёт? У неё же, кроме перьев, и нет ничего... И может, стоит купить тот безумно дорогой финский пуховик – вдруг это хоть немного поможет? В Африке, говорят, тоже минус 30... Интересно, постирает ли Лерка его тёплый свитер? Конечно, нет... Ох, чёрт, завтра же ещё на работу... Как же холодно! Но нет, это не конец света. Выжили же древние в XVII веке, когда зима наступила в августе... И сейчас выживем... На месте Земли он, Сергей, наверное, выкидывал бы такие же фокусы – испытывают же люди её на выживание... Чтоб жизнь мёдом не казалась – освежитесь, дорогие мои жители... Вот вам и глобальное потепление... Чёрт, ноги окоченели. Сергей вспомнил какую-то старую книжку, где главный герой, поступив как последняя свинья, умирает в лесу: его засыпает снег, а он играет на флейте, и слёзы текут по его щекам и тут же замерзают...

Шарф мягко упал с его глаз. Вокруг был лес, а прямо перед ним – деревянная часовня.

– Моя прабабка была сумасшедшей. Да и всю семью ещё за несколько поколений до неё трудно назвать нормальной: как по-твоему, это же не совсем в порядке вещей, если перед сном ей рассказывали не сказки, а предание о том, как её собственную бабушку забили камнями односельчане за то, что она была ведьмой? Эта история почти культивировалась, вести себя нормально у моих родичей было не в чести. Как их не коснулась советская власть, понятия не имею – может, потому, что они были беднее крыс... Жили они на отшибе, в ветхом домишке, в котором самым невинным зрелищем были сушёные ужи на бельевых верёвках... Но в психушку их тоже не отправили – наверное, решили, что до такого состояния их довёл ужасный царский режим... Так что из поколения в поколение мои ненормальные прапрабабки устраивали шабаша – не в лесу, как полагается по всем литературным канонам, а во дворе, за сараем. Им и в голову не приходило прятаться! Поэтому долго они и не жили. Правда, ещё быстрее умирали их мужья – бабки ухитрялись находить себе мужиков преданных, уж не знаю, может, они опаивали их чем-нибудь, но только те первые взваливали на себя проблемы жён-шек и пытались за них вступиться... и чаще всего расплачивались за это: кого-то убили в пьяной драке, кого-то молнией пришибло... В общем, в этой деревне – а до неё здесь недалеко, ты, правда, отсюда не увидишь, но всего пара километров, – дом на отшибе был классическим, с ведьмами и проклятиями. Но моя прабабка переплюнула всех. Сперва её выгнали из школы за то, что она упрямо не заплетала кос и порывалась красить глаза, – стоит ли говорить, все пацаны её обожали. Её мать, моя прапрабабка, ляпнула директорисе, что не ей учить её дочь, как себя вести, – и в девятом классе прабабка гордо покончила с образованием. Знаешь, как она это сделала? В свой последний учебный день облила директорису керосином и бросила зажжённую спичку... И ту не спасли – прабабка заперла кабинет изнутри и вылезла через окно,

а потом подожгла всю школу... Её официально признали ненормальной и отправили лечиться. В больнице она влюбилась во врача. Этому идиоту надо было сразу уволиться. Но он попытался вежливо объяснить моей прабабке, что она его не интересуется. Прабабка задушила его, когда он задремал на ночном дежурстве. Не веришь? У моей прабабки ещё и не на то хватило бы сил... Шума было! Тем более что в ту же ночь она сбежала из больницы. Как – никто не знает... Всё-таки потомственная ведьма. Она вернулась в деревню. И подожгла каждый дом. Каждый! И опять-таки неясно, как именно она это сделала: дома вспыхнули одновременно... Представляешь, что началось? Что-то потушили быстро, но некоторые избы до сих пор обгорелые, а других нет и в помине – сгорели дотла. А прабабку видели, когда она смотрела на пожары с холма. Наутро её проклинала вся деревня – это естественно, правда ведь? Но священник местной церкви наутро пришёл сюда и начал строить часовню. Сам, своими руками. Зачем – он сперва никому не сказал. А деревенские знаешь что сделали? Ну подумай... Конечно, они пошли к покосившемуся домику на отшибе. Конечно, они хотели сжечь и его – и я их не виню... Но когда они пришли, дом уже был сожжён... Прабабка сама себя подожгла, вместе с избой. Понятное дело, по ней в селе никто не горевал: её мать к тому времени умерла, а другие родственники уехали из села сразу после того, как прабабку забрали в психушку, – кажется, они купили дом где-то в районе. А священник всё строил часовню... В деревне не понимали, зачем она здесь, посреди леса. Он молча строил. И когда был вбит последний гвоздь и отполировано последнее бревно, он объявил, что построил эту часовню за упокой души моей прабабки. Дурак... Через два дня за ним приехали – шёл пресловутый тридцать седьмой год... Часовню хотели сжечь, но дул страшный ветер, который гнал огонь в лицо людям, но не поджёт ни единого венца. Пытались разобрать на брёвна – но при первой же попытке этими же брёвнами убило двух человек... И люди решили, что часовня проклята, – хотя как может быть проклято Божье место? Сюда никто не ходит. А часовня медленно гниёт, разрушается... Но посмотри на неё внимательно – это редкая достопримечательность. Возможно, это единственная в мире часовня, которую возвели ради ведьмы...

Луна одиноко светила в чёрном небе, и протяжно, почти с лязгом скрипели сосны. Тёмный шпиль часовни врезался в звёзды, и Сергей бы не удивился, если бы в эту минуту вдали мелькнул силуэт ведьмы на помеле – кто-то вроде несравненной Солохи из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Он пытался понять и не мог – святое это место или ведьмино? Как это отрегулировали в райских куцах?

Если брёвна часовни и правда гнили (а как иначе за столько лет?), сейчас это не было заметно. Чёрное дерево сверкало серебром, льдинки мерцали в свете луны, и Сергей потерял чувство реальности – он начал понимать, что чувствовал Кай, когда замерзал у Снежной Королевы. Его зубы мелко стучали от холода, но он бы ни за что не сдвинулся с места – красота ошеломляла, часовня возвышалась над ним, колдовство места, как гвоздь, прибавало к земле, а за руку его держала девушка с чёрными глазами и сумасшедшей кровью, которую ей передали беспокойные предки...

– Погоди... У неё же был ребёнок? Как же иначе ты...

– Был. От священника, который построил эту часовню.

Её маленькое личико было безмятежно.

– Он был всё-таки не совсем дурак: отвёз ребёнка – это была девочка, моя бабушка, – к тем самым родственникам, которые переехали в другое село. Они её и вырастили по всем строгим советским правилам в духе времени, так что она мракобесием не занималась: благополучно окончила институт и стала работать учительницей в школе.

Тут она потянула его вперёд.

– Зайдём?

Ноги Сергея сопротивлялись не только от мороза: от одного вида часовни по нему пробежали мурашки. Эти стены воздвиг человек в рясе, который любил умалишённую... «Психи», – решил Сергей и всё-таки пошёл с Адой.

Сделав первый шаг на обледенелые доски, он ахнул восхищённо, хотя внутри не было ничего особенного: вся обстановка, если она вообще когда-то существовала, давно разрушилась. Но всё было покрыто паутиной инея. Узорчатые сети покрывали брёвна, спускались с потолка, оплетали, казалось, сам воздух... И в этом кружевном великолепии переливался тёмный металлический крест, прибитый к стене...

– Знаешь, – всё тем же беспечным голосом сказала Ада, когда они наконец пошли обратно к дороге, – если зима не прекратится и люди начнут умирать от мороза и этого снега, я приду сюда. Даже если будет очень холодно, даже если не будет ходить ни один автобус... Если, конечно, смогу дойти... Я приду сюда и буду читать Псалтирь. Потом покурю... И подожду часовню, а сама останусь внутри. Я слышала, умирать в огне не так уж мучительно: говорят, люди задыхаются быстрее, чем начинают гореть. Правда, те, кто это рассказывает, сами не пробовали... Но мне кажется, это символично. Правда?

– Что ты... Зима закончится, – еле шевеля губами от холода, возмущился Сергей: теперь его уже вновь волновали только насущные проблемы, например, остановить доброго человека, который отвезёт их в город. Но машин даже слышно не было.

Ада молчала некоторое время, как бы тоже прислушиваясь к этой тишине, невероятной в пригороде, и тихо сказала:

– Кто знает...

...Наконец на дороге показался старенький «жигулёнок». Хотя старик-водитель с полминуты подозрительно рассматривал молодёжь, оказавшуюся в лесу в тридцатиградусный мороз, кошелёк Сергея убедил его, и он, кряхтя, открыл им заднюю дверцу.

Часть вторая. Птица не кричит

1

Когда Сергей, перевернув страницу, дошёл до описания грешников, обречённых на вечный холод, – тех, которые замерли в разных позах, схваченные льдом, – то содрогнулся. Он перечитывал Данте раз в год обязательно, давно выделив для себя круг книг, проверенных временем, и регулярно возвращаясь к ним; зато, чтобы открыть незнакомую книгу или посмотреть не виденный им фильм, Сергею всегда требовалось усилие над собой. Если же он это усилие делал и ему что-то нравилось, то ни единого нюанса сюжета и даже имён героев он уже не выпускал из памяти.

Но сейчас девятый круг ада неприятно поразил его. Не то чтобы Сергей сочувствовал тем, кто предал благодетелей. Он сидел в пуховике, закутавшись в ватное одеяло, в кресле у газовой плиты: работали все конфорки. Кончик носа и подушечки пальцев были навязчиво холодными; прикоснувшись нечаянно к лицу, Сергей поморщился, и от затылка по спине пробежали мурашки. Не вставая, он поставил на огонь турку с водой – чтобы снова заварить чай.

Отопление дали неделю назад. А тремя днями ранее ударил мороз. Лопнул градусник – и трубы.

То же самое произошло в десятках тысяч квартир их города.

Власти давно объявили чрезвычайную ситуацию, но толку от этого было, естественно, мало. Не то чтобы никто не старался (хотя и это тоже) ... Но проявлять излишнее рвение теперь почти не имело смысла: случай беспрецедентный, к нему не готовились, и чиновники выбрали отстранённо-философскую позицию: хотите – ругайте, если от этого теплее станет... И журналисты, естественно, ругали. Каждую неделю по НТВ выходили сенсационные репортажи о чудовищных растратах, о приспособлениях, которыми оснащают свои жилища сильные миры сего, о бункерах и о смертях от холода в больницах. Даже на центральные каналы в огромном количестве пробились народные целители, предлагающие фантазмагорические способы уберечь себя от мороза – от обтирания медвежьим жиром до пробежек босиком по полнолуниям. А ТНТ выпустил щедро сдобренный шутками самого похабного свойства сериал о пятирёх студентах, выживающих в погребённом под снегом здании факультета (предполагалось, что остальные жители города погибли, что не вязалось со взрывами истеричного смеха за кадром). Что касается всевозможных пророчеств, то они лились с экранов в таких количествах, что Сергей едва ли не с ностальгией вспоминал Машу. Призывы покаяться, поиск упоминаний о конце света от небывалого холода в предсказаниях Нострадамуса и Ванги, агитация за переселение на какую-то гору в Африке, которую, мол, единственную не затронет кара небесная...

Основные силы местной администрации кидались на то, чтобы худо-бедно расчищать хотя бы главные дороги. Месяц назад, в октябре, все городские власти озаботились переправкой семей (а заодно и себя) в тёплые страны. Это было затруднительно: многие южные государства вроде Египта или Греции давно запретили въезд иностранцев на свою территорию. Кто не успел – или не имел финансов – выехать туда раньше, пытались выбраться хотя бы в Крым: там теперь было всего-то минус двадцать. Но увы, с жарким зарубежьем многие просчитались: в новостях говорили, что Ямайка совсем обледенела...

Китайские учёные придумали новейшее устройство для растапливания снега и льда; больше того, установленные на улице, эти аппараты согревали воздух на 15—20 градусов! США немедленно бросили крупнейшие средства на их закупку. Россия те же средства кинула на то, чтобы видные политики, чиновники и военные переехали в Америку... Оставшиеся бодро вещали об экологической катастрофе, о том, что они делают всё возможное и мучаются

так же, как и многоуважаемые Простые Граждане. Это только жена с детьми отдыхает... или с рабочим визитом... за границей, где, заметьте, так же холодно, как у нас...

В кухню зашла мрачная Лерка с двумя огромными пакетами – только из магазина, в который они бегали по очереди. Цены подскочили так, что вслед за ними один за другим в городе возникали суициды: жить и так было тяжело, но когда не стало на это денег... Старушки, которым пенсии теперь могло хватить разве что на три-четыре скромные закупки продуктов – учитывая, что они давно перестали платить за газ, свет и телефон и пытались продержаться без этого, – выходили на улицу и тихо замерзали... Которые поотчаяннее – бросались с обледенелых крыш. А тут Лерка хмуро сообщила, что высокий старик со слезящимися глазами, который качал детей с их двора на ноге и рассказывал, как спас друга на войне, бросился под товарный поезд.

Сергей ничего не ответил. Конечно, он помнил этого деда, даже как-то под 9 Мая написал про его военное прошлое. Старик тогда радовался, тысяча извинений за штамп, как ребёнок: больные глаза, прояснившись, лучились голубым, он специально для снимка погладил парадную байковую рубашку, но передумал и надел форму. Всё время называл Сергея «сынком» и то и дело пододвигал к нему баранки и вазочку с вареньем, когда тот брал интервью в его нищей стариковской кухне.

Сергей поднялся. За окном мелкими хрусталиками падал снег – как будто в замедленной съёмке. Кажется, это называется рапид... Было в этих снежинках, зеленоватые грани которых Сергей успевал разглядеть через оконное стекло, что-то неестественное. Или так только казалось?..

Холод пробирался под кожу и разъедал остальные мысли. Сергей поднёс руки к старенькому обогревателю. Кончики пальцев обожгло, и каждая их клеточка приятно зашипала. Застывшая кровь как будто шевельнулась под кожей, и по ней в промёрзший мозг ударило воспоминание о другой ночи – холодной ночи, но тогда он ещё мог забыть о морозе.

2

Он и Ада шли от дороги, где их высадила сердобольный водитель. Снег падал, но не так, как сейчас, медленно и колюче, а огромными мягкими хлопьями, которые ледяным полотенцем обволакивали лицо, таяли на волосах, стекали за шиворот. Но это было вовсе не так мерзко, как казалось теперь. На улицах не попадалось ни единого человека – в городе снова жили только он и эта странная крошечная девушка с блестящими глазами. И когда она на него смотрела... Женщина с безумной кровью и непонятым, запутанным мышлением, которая повела незнакомого человека ночью в лес, чтобы показать самое странное, самое оксюморонное строение в мире – часовню ведьмы...

– Как ты думаешь, кому она принадлежит – Богу или демону? – тихо и серьёзно спросила Ада, пряча нос в мохнатую варежку.

Сергея тогда волновало это меньше всего: она смотрела на него так, что желание у него было только одно – самое древнее. Но сейчас он подумал, что Ада состоит из этих вопросов: Бог и демон, светлое и тёмное, разум и безумие, и граней меж ними в ней нет.

– По-христиански – Богу. Всё-таки часовня построена для спасения души... – Он попытался вернуть себе способность мыслить здраво.

– Чьей души? Не забывай...

И больше полемики быть не могло. Она целовала его. Сергей будто залпом выпил бутылку шампанского. Лёгкий луч протрезвления мелькнул перед дверью её квартиры.

– Муж?..

– Узнает – убьёт. Тебя, – хрипло пообещала Ада.

И Сергея это устроило бы.

Грея руки над обогревателем, он невольно закусил губу. Кому бы только не продал он душу за то буйное помешательство. Он в жизни не чувствовал себя большим животным, чем тогда, – и большим, чем тогда, мужчиной. Он помнил, что было темно... И никакой музыки... И вообще ни единой красивости из тех, какими принято окультуривать любовь. Но вспоминая об Аде, Сергей нервно обкусывал костяшки пальцев. До тошноты, до рези в висках хотелось снова сжать её – маленькую, тонкую, непонятную...

Он не видел Аду три месяца. Она не объявлялась, а идти к ней домой и беседовать с мужем как-то не хотелось. Хотя Сергей готов был, как мальчик в запальчивости, драться, просить её выйти за него... Нет, дело было не в муже. Сергей знал, что ей это не нужно. И это бесило его больше всего.

Он достал бутылку пива и открыл её, прижав к ребру стола. Но ударил по ней неправильно – острый край пробки проткнул кожу. Выступила яркая красная капля. Сергей залпом выпил полбутылки. Вот что было хуже всего: представить, как она насмешливо посмотрит на него – нет, как расхохочется, она же ненормальная. Ей ничего не надо, она в своём мире, не в этом, и Сергей туда попал случайно. «Убил бы», – процедил он сквозь зубы и допил пиво. К горлу подступила тошнота, во рту было омерзительно-горько. С трудом удержавшись от того, чтобы разбить бутылку, он со всех сил ударил кулаком по стене. Зажмурившись от боли, Сергей услышал, как упала с гвоздика дешёвая картина.

В соседней комнате сестра перевернула страницу книги.

3

Катя поставила на сушилку последнюю тарелку и нервно схватила со спинки стула махровое полотенце. Она долго тёрла озябшие пальцы, но кровь в них всё не шевелилась. Кутаясь в старую, ещё бабушкину, шаль, она пошла в комнату, по пути уменьшив огонь на газу – в кастрюле вяло булькал борщ – и передвинув солонку с края стола на её обычное место у хлебницы.

В спальне Максим сосредоточенно настраивал фотоаппарат. Менял объективы, хмурился, рывками бросался от полки к полке, крутил что-то, в чём Катя решительно не разбиралась. На груди чёрными змейками вились проводки наушников от плеера; он тихо мурлыкал себе под нос какую-то мелодию и иногда угрюмо вздыхал. Устало подходил к столу, делал глоток пива из банки, оценивающе смотрел на фотоаппарат и решал попробовать ещё что-то – тогда в его карих глазах появлялись золотистые искорки, а густые брови, сойдясь над переносицей, демонстрировали напряжение и сосредоточенность мысли. Даже по той, нормальной, жизни Катя помнила, что это может продолжаться весь вечер. О чём уж говорить теперь, когда техника на морозе работала всё хуже. Мускулистые Максовы руки – и бесконечные чёрные объективы...

Когда-то ей нравилось смотреть, как он, сосредоточенный и вдохновлённый, возится с ненаглядным аппаратом. Нравилась его захватывающая страсть – фотография. Но в то время он мог потратить целый день только на то, чтобы снимать её. Катя на кухне, Катя на диване, Катя читает, Катя смотрит в окно... Катя весёлая, грустная, задумчивая, нежная, раздражённая... Серия снимков Кати, различающихся лишь углом сгиба локтя... Волны волос по плечам, тень на щеке, капли воды, оставшиеся на запястье после мытья посуды... Тогда фотография и любимая женщина переплетались у него в нечто единое – такое, что и увлечением не назывёшь, так оно захватывало Макса. А теперь осталась только фотография. Вечера напролёт муж возился с техникой, слушал музыку, пил пиво – а если снимал Катю, это означало, что надо было проверить какие-то настройки. И новая Катя уже ничуть не походила на ту, неземную, прекрасную каждым жестом, каждым движением мимики; теперь объектив запечатлевал будничную и порой неуклюжую жену фотографа, а игра света и тени доставалась случайным знакомым, друзьям, моделям...

Катя молчала. Она делала иногда попытки вернуть его себе, но он раздражённо отмахивался: «Ты же видишь, я занят. Я вот тебе не мешаю». И она тихо заворачивалась в плед в углу дивана и всё смотрела в равнодушную спину. Иногда, так же молча, гладила в кухне. Она могла приготовить пустую картошку или сделать пиццу, сварить пельмени или испечь торт – Максим одинаково благодарил, вставал из-за стола и шёл в комнату, к своим фотоаппаратам, камере, компьютеру...

А иногда он уходил. Уходил, потому что – мужик, потому что имеет право попить пива с друзьями. А Кате оставалось смотреть в окно на холодный двор и разглядывать папки художественных фотографий, которые делал Максим.

Иногда Катя тоже уходила. Максим думал, что к подругам, и это не раз служило аргументом: «Я же тебе ни слова не говорю». Но Катя гуляла одна. Ей никто не был нужен. Она ходила по старому парку, непопулярному среди молодёжи: слишком заросший, заброшенный, лишённый примет цивилизации в виде палаток с пивом или закусок. Зато здесь длинными, уходящими за грань видимости аллеями тянулись клёны, которые осенью всем изобилием и горечью золота шептали что-то про другую жизнь. И она чувствовала себя героиней старого фильма из тех, где ещё можно было быть одинокой, хрупкой и молчаливой. Она прокручивала в голове вымышленный клип и будто видела себя со стороны: серое небо, листья – или лужи – под ногами, и она одна бредёт неизвестно куда и зачем. Иногда ей становилось пронзительно,

отчаянно тоскливо; она тогда проходила шесть километров до ближайшего бара и заказывала себе бокал вермута – но только если был свободен столик у окна, из которого видно фонтан. Бегущая девушка с разметавшимися гипсовыми волосами всё пыталась и не могла выскочить из небольшого грязно-белого бассейна, с бортиков которого её расстреливали четыре высоко взлетающие струйки воды.

Кате нравились собственные немодные причуды, и она могла, глядя в окно, целый час цедить этот бокал за покрытым клеёнкой столиком. Равнодушный бармен иногда предлагал ей добавки; она всегда отказывалась. Как алкоголь, в ней бултыхалось жгучее желание убежать куда-то, резко поменять каждый поворот своей жизни – но хмель проходил, а тоска отступала глубоко внутрь. Катя вставала, расплачивалась и уже торопливо, ссутулившись и засунув руки в карманы, шла на остановку, садилась в первый троллейбус и ехала домой, прикидывая, что купить к ужину.

И пусть она весь день представляла себя в старом французском фильме, пусть передумала о всех городах, эпохах и человеческих характерах, пусть выхватила из внешнего мира что-то интересное или прекрасное – дома был вечно занятый Максим, менявший объективы.

Однажды Катя во время такой прогулки купила альбом и баночку с тушью – скорее просто по наитию, чем по осознанному решению. Она спрятала их в пакет между курицей и луком-пореем, а вечером, когда Макс ушёл, попыталась рисовать. Она хотела, чтобы всё было красиво: включила музыку, какую любила, приглушила большой свет и, устроившись под торшером, сделала несколько осторожных штрихов. В ней скопилось столько всего, что могло вырваться в прекрасные линии, – но рука подвела. Мазки были беспомощными, нелепыми, ужасно одинокими и напоминали детские каракули – но если в исполнении ребёнка они выглядят солнечно, как надежда и улыбка, то сделанные взрослым, вызывают лишь недоумение и жалость. У Кати задрожали губы. Она отшвырнула альбом и разрыдалась. То, что сидело внутри, не хотело выходить, будто надеялось задушить её неотступной тоской. Забившись под одеяло и выключив свет, она убеждала себя, что не всё сразу, что надо научиться... Но сколько ни предпринималось новых попыток, рука всё не слушалась. Линии так и оставались беспомощными, несчастными калеками.

Максим был из тех ребят, которых все любят. Такие легко сходятся с людьми: мужчины их уважают и говорят: «нормальный парень», а женщины обожают, восхищаются, в разговоре разводят руками: «Ну, Макс есть Макс...». Ему везде были рады, куда бы он ни пришёл. Он везде приходился к месту. Хоть раз видели его, казалось, все в городе – на работах друзей и знакомых, друзья знакомых, знакомые друзей... Его звали на праздники даже те, кто знал его лишь шапочно, – просто потому, что его присутствие было гарантом веселья. И правда: с Максимом не скучали. Он ухитрялся сказать что-то умное, с девушками держался дружелюбно, но успевал в шуточной форме пригоршнями рассыпать комплименты – небрежные, но остроумные и запоминающиеся. В общем, для Макса были открыты все двери. Директора городских телекомпаний предлагали ему зарплаты одна другой больше, когда он выбирал, куда идти работать. Он был профессионалом, видевым кадр, едва переступив порог помещения, – и бесконечно обаятельным. Если ему случалось проспать, или забыть про что-то, или даже проигнорировать пожелания начальства, ему это охотно прощали. Он с лёгким пренебрежением слушал коллег, боявшихся нарушить заведённый на студии порядок: для него самого как будто не существовало ни режима работы, ни дисциплины, ни каких-либо иных обязательств, и среди других операторов и журналистов он шествовал со снисходительностью языческого бога, которому предлагают принести жертву на его собственном алтаре.

Катя несколько раз видела Макса на пресс-конференциях в гидрометцентре и с замиранием сердца изучала его: красивый, весёлый, остроумный – как такого не заметишь? Она видела, что вокруг него работают длинноногие красавицы с журнальной внешностью, и тоско-

вала про себя: если с ними он лишь отщучивается, то её и подавно не заметит... Катя была хороша собой: правильные черты лица, большие серые глаза, густые каштановые волосы, ладная фигура – всё хорошо, но ничего такого, от чего мужчины оборачиваются вслед. Когда-то она мечтала о Максе ночи напролёт; не знала, как вместить в одну-единственную душу своё счастье, когда они действительно стали встречаться, жить вместе, сыграли скромную свадьбу... Два года Катя не допускала и мысли о недостатках Макса – у неё, как щит, была наготове мысль: «Кто ты – и кто он...» Она бережно, будто с китайского фарфора X века, протирала пыль с его компьютерного стола; чувствовала себя кошкой, греющейся на осеннем солнце, когда тихонько сидела рядом с Максом, обрабатывавшим фотографии, – каждая была для Кати бесспорным шедевром. Она хранила газеты, публиковавшие его снимки, тайком переписывала на свою флешку всё новые работы мужа, чтобы точно сохранить их, если мастер вдруг решит одним нажатием кнопки вычеркнуть эти фото из своей творческой биографии.

Но потом выяснилось, что очень непросто жить рядом с популярным у всех и вся человеком; что очень непросто любить такого человека.

...Катя ушла на кухню и закурила. Ядовитые струйки дыма скользили по сознанию, а она тем временем задумчиво перечитала пришедшее на днях СМС. «Я снова в городе. Может, увидимся?» Подпись была неожиданной: этот человек внезапно, без видимых причин, выпал из её жизни несколько лет назад. И всё-таки имя под двумя предложениями вызывало только тёплые воспоминания. Катя неторопливо набрала предложенный номер.

Этот взгляд в никуда, одновременно сосредоточенный и растерянный, Катя узнала сразу: она просто не могла ошибиться.

– Ромка!

Повиснув на шее у крепко сложенного мужчины, в котором было теперь много чуждого, незнакомого – усы, хвост волос, борода! – Катя рассматривала комнату за его плечами с тем же уютным чувством узнавания. Как много времени прошло – и как мало здесь изменилось. Улыбка Романа тоже хранила память о той, детской. Только вот когда он успел нажать эту острую морщинку между бровей? Серьёзный. Усталый. Задумчивый. И это с ним она воровала конфеты у соседки и на крыше дома мечтала о сказочной, сулящей столько возможностей взрослой жизни?

– Какая ты стала... – произнёс Роман, отстранив её от себя, чтобы получше рассмотреть, и Катя с горчинкой поняла: она тоже изменилась.

Час спустя, трижды подогрев чайник, они уже всё знали. Катя – что Роман, как и мечтал, стал священником, четыре года служил в храме на севере, но недавно покинул церковь, вернулся к матери и устроился в книжный магазин. Роман – что подруга детства предсказывает погоду и вышла замуж, о чём уже начинает жалеть.

– Короче, Катька, ничего-то у нас с тобой не получилось, – ухмыльнулся, подытоживая, Роман.

Девушка устало покивала.

– Знаешь, я ведь даже с парашютом прыгала. (Катя проигнорировала изумлённое: «Ты?!») Не помогло. Пытаешься себя вытащить, выплеснуть куда-то – и не выходит. Похоже, я в тупике. Банальность. Знаешь, женщине ведь правда не так много надо – лишь бы дома всё было хорошо. А если из этого дома бежать хочется... Уже диагноз. Хочется любить мужа, а получается – только кошку. А тут ещё снег. Скажу тебе как, блин, дипломированный специалист: ни черта не понимаю! Это вообще невозможно. То, что происходит, противоречит всему, что мы говорили на экзаменах. И никто не понимает, все только притворяются. Мне страшно. А когда человеку страшно, надо, чтобы кто-то его успокаивал – неважно, по законам логики или нет... – Катя печально улыбнулась и покачала головой. – Ладно, я себя могу жалеть долго – растягивая удовольствие... Ну а ты? Тебя-то что из церкви понесло?

Роман вздохнул, глядя, правда, не на подругу детства, а на скатерть.

– Катя, ты в колдовство веришь?

Катя встретила его вопрос достаточно красноречивым взглядом.

– Ну вот, я ему душу изливаю, а он стебается...

– Нет, я всего только пытаюсь ответить на твой вопрос. И зря смеёшься. Даже Большая советская энциклопедия трактует его как способность некоторых людей причинять различный вред или избавлять от него.

– И кто же тебя... так? – подбирая слова, спросила Катя.

Вместо ответа, Роман поднялся, достал из шкафчика бутылку коньяка, плеснул в чай и себе, и госте.

– Что, Ромка, запил? – усмехнулась Катя.

– Запьёшь тут... Когда выйдешь из комнаты, а у тебя над головой... Ладно, неважно. То есть, ты говоришь, что у этого снега нет нормальных причин?

Катя серьёзно покачала головой.

– Ни малейших. Мистика какая-то.

От этого слова Роман поморщился.

– Да уж, мистика... Слушай, ты не смейся, но... Если бы тебе сказали, что есть... ну, или не то чтобы есть, а может быть... одна книга...

Катя слушала Романа с нарастающей тревогой.

– Какая ещё книга?

– Видишь ли... Когда выпал снег, я сначала подумал: докатились мы. Ты читала про Содом и Гоморру? Вот что-то в этом духе. Как бы это сказать... Во всех нас поселилось что-то неправильное. Нет, я не грехи имею в виду – они были всегда. Но у нас нарушилось ощущение жизни, мы её подменяем – ну, вроде как выбираем не малину, а жвачку с таким вкусом. Не уверен, что могу объяснить. Когда-то я рассказывал об этом одному человеку, и он... то есть она сказала, что, если следовать моей логике, конец света должен был наступить во времена Освенцима и ГУЛАГа. Беды, несправедливости, пороки были всегда, я понимаю. Но раньше у людей был Бог. А времена безбожия оказались столь страшны, что, наверное, это искупали... А сейчас у людей есть только они сами, и то не всегда.

Катя выслушала Романа несколько озадаченно. Вспомнился вдруг университетский профессор, который говорил, что залог просвещённого общества в том, чтобы в беседе обмениваться не информацией, а идеями. Его слушала полная аудитория девушек, и он привёл пример: не о том, кто какое платье купила, за кого вышла замуж или встретила на улице, а о том, как надо понимать эстетику моды, что нового придумали писатели о любви и какую роль в судьбе человека играют те или иные встречи. Студентки приняли идею белобородого старца с внешностью Гомера в пиджаке со смешками, но сейчас Катя подумала, что тому преподавателю уж точно понравился бы Роман. Столько лет прошло – и ни единого «информационного вопроса», сплошные идеи.

– Ты подумай, какая разница между нами и, к примеру, первыми христианами, которые пели, когда их вели в Колизей на расправу! – продолжал Роман. – Кто из нас не отрёкся бы от веры, если бы был выбор между нею и жизнью? Или вот взять иконы... Мы привыкли их воспринимать как картины, как некие символы, даже, наверное, обезличенные – и в голове не укладывается, что это были живые люди! И как они жили! Откуда у людей это бралось – стойкость, что ли... Я когда книги о них читаю, вот этого понять не могу. Что им силы давало и почему мы так не можем...

– Умирать?

– Жить.

Катя молчала. Внутри неё что-то беспокойно зашевелилось, что-то «неправильное» и «ненастоящее», что мешало ей жить. Или просто чай окончательно остыл, и снова стало слишком холодно. Но разве не было ей слишком холодно и до наступления морозов...

– Так ты понял, что быть священником – это не твоё? – уточнила она, переводя высокий слог Романа в более понятные категории.

– Знаешь, наверное, это могло бы быть моим, если бы я не был таким ослом.

– Ты что-то натворил?

– Да... Но ты ведь не будешь об этом спрашивать?

Катя едва сдержалась, чтобы не погладить мужчину по голове: столько в его лице было усталости и бессилия. В этот миг Роман представился ей в рясе и с крестом в руках; добрый и странно беззащитный, казалось, он не представлял себе, что, если она всё-таки спросит, можно просто не ответить.

– У тебя есть девушка?

Роман покачал головой.

– Нет... И представь себе, примерно по той же причине, по какой я больше не служу в церкви. Я тут недавно подумал, что теперь весь такой из себя светский и, может быть, было бы неплохо... Начал встречаться с одной – будешь смеяться, квартиранткой моей матери.

Лицо Кати окаменело. Судя по всему, смеяться она не собиралась.

– Лерка?

Роман кивнул.

– Ты всё ещё общаешься с матерью? Надо же, она мне не говорила...

– Нет. – О Катин голос можно было обморозить руки. – Просто с этой... в общем, с ней мне изменил муж.

В кухне повисла тишина.

– Блин... Ты уверена?

– Нет, на кофейной гуще гадала! Конечно, уверена. Так что твой выбор, извини, не поддерживаю. И чем она вас... – Катя с досадой отставила наполовину полную кружку в сторону. – Ладно, Ромка, засиделась я. Ещё забегу.

Роман смотрел в окно вслед стремительно исчезающей за сугробами подруге, с которой был неразлучен несколько детских лет и которая понятия не имеет, как, возможно, он перед ней виноват. И подумал: может, и к лучшему, что он не успел рассказать ей свою версию, почему всё кругом завалено снегом.

4

Сергей раздражённо перещёлкивал пультом каналы по телевизору. Фильмы. Нескончаемые фильмы о холоде. Фальшивые, слащавые истории любви, которая побеждает мороз, фильмы ужасов, где монстры рождались из льда... Все они лепились на скорую руку и к искусству не имели никакого отношения, но люди их смотрели – ведь холод стал их жизнью. И казалось, никто не заметил, что рекламы холодильников и мороженого больше не крутят по телевизору.

Сергей был дома один. Уже стемнело. Он выключил телевизор. Очертания комнаты сразу стали чужими, как будто незнакомыми, как всегда бывает в темноте. Он хотел зажечь свет, но вместо этого подошёл к окну. В мягком, лилово-красном от городского освещения небе размыто-белыми пятнами мелькали хлопья снега. Было красиво и тихо.

И в этот момент Сергей услышал, как в дверном замке поворачивается ключ.

«Лерка», – машинально подумал он и тут же возразил сам себе – она же только что звонила ему и предупредила, что ночует у приятеля. Так быстро поругаться они не могли. Хозяйка? Да, наверное. Он равнодушно смотрел сквозь замёрзшее окно во двор, когда отметил, что в квартире слишком тихо. Никто не включал свет. Как будто скрежет ключа ему помешался.

Сердце заколотилось древним трепыханием страха. Сергей обернулся и едва не закричал: в темноте, напротив него, кто-то неподвижно стоял.

Он смотрел во все глаза на фигуру в капюшоне. Линии её были чёткими, как на картине, и Сергей в первый раз серьёзно подумал о привидении. Фигура сливалась с темнотой комнаты, и если бы Сергей не слышал ключа, он мог бы принять её за какой-то предмет, – бывает, знакомые вещи во мраке приобретают непривычные очертания. Но сейчас он отчётливо понимал, что перед ним кто-то.

Это так напоминало фильмы ужасов, что Сергей почти инстинктивно ждал удара молнии, который бы осветил пришельца.

Но молнии не было. Падал снег. Фигура сделала шаг навстречу Сергею.

Он хотел перекреститься, но правую руку будто парализовало. Комок испуга засел в горле, мешая сказать хоть слово. Сергей ждал.

Фигура в капюшоне медленно приближалась, и в гремящей тишине комнаты послышалось тихое дыхание. Пора было что-то сказать, но Сергея не отпускало ощущение, что он во власти миража. Как будто ножом комнату отрезало от остального мира. Всё вдруг оказалось нереально далеко.

Сергей прижался затылком к оконному стеклу. Холод пробежал по всему телу. Во дворе кто-то громко засмеялся, но он этого не услышал.

Фигура остановилась в двух шагах от Сергея – как раз на таком расстоянии, что ещё бы чуть-чуть, десять сантиметров, и слабый уличный свет высветил бы её черты. Сергей напрягся и закрыл глаза, вспомнив, что от этого призраки исчезают. Но стало ещё страшнее.

Молчание забивало уши ватой, стало густым и тяжёлым. И тут фигура медленно протянула руку. Сердце Сергея провалилось куда-то вниз. А ему на грудь уже легла ладонь, обдавшая жгучим холодом даже через рубашку. Сергей вздрогнул.

– Это ты! А я-то уже приняла тебя за призрака. Стоишь в темноте, не шелохнёшься...

Магия растворялась, как сахар в кипятке, и лучи уличных фонарей добрались до фигуры в капюшоне. Появилось маленькое бледное лицо, красные губы, выбившиеся пышные волосы. И потом – этот голос.

– Ада? – Сергей, потрясённый увиденным, поперхнулся её именем, но тотчас повторил:

– Ада! Ты... ты прямо привидение! – и расхохотался над собственной глупостью. Она мягко рассмеялась в ответ.

– Но... Стоп, что ты здесь делаешь? Как ты вошла?

В темноте блеснул ключ, зажатый в маленькой ладошке.

– Откуда он у тебя?

Ада улыбалась. Глаза её казались чёрными-чёрными.

– У меня есть ключи от некоторых дверей в этом городе.

– В каком смысле?

Она рассмеялась – на этот раз звонко.

– Не бойся, я его не заказывала специально с тайными махинациями. Просто он у меня был. Потому что в этой квартире есть кое-что моё.

– Но...

– Но, по-моему, я всё подробно объяснила.

Сергей вздохнул и пошёл к выключателю. Как иногда после ночного кошмара хочется пить, так ему хотелось немедленно включить свет, чтобы рассеять атмосферу нереальности и вернуться в нормальный мир под электрической лампочкой, где нет неожиданных ответов.

Ада удержала его.

– Не будь таким скучным, не надо света. Впрочем... Если хочешь, зажги свечу. Электричество сейчас... – Она брезгливо поморщилась. – Это пошло.

У Сергея не было сил с ней спорить. Он достал со шкафа подсвечник с тремя наполовину прогоревшими свечами и зажёл их одну за другой.

Жёлто-шоколадный свет пробежал по комнате и заиграл на лице Ады. Она сняла плащ, как оказалось, подбитый мехом, и устроилась в кресле. Оттуда она наблюдала за растерянным Сергеем.

– Перестань так мучиться из-за ненужных тебе вещей... Считай, я пришла к тебе на свидание.

Голова у Сергея кружилась от хищных глаз Ады, равнодушно изучавших его. И он поспешно попытался возвести между собой и девушкой стену из обыденных вещей и сказал первое, что пришло в голову:

– Свидание? Н-да... Интересно, как бы на это посмотрел твой муж?

Глаза вспыхнули из глубины кресла.

– Муж? – тихо переспросила она. – Муж... Это не твоя забота.

– Ты его... Он тебе дорог? – Слово «любишь» в последний момент показалось Сергею слишком киношным.

Ада покачала головой, бесстрастно посмотрев на Сергея, и тот вздрогнул. Не могут у живого человека быть такие чёрные глаза, просто не могут. Они же как... Сергей вдруг заметил на Адином пальце потемневшее от времени серебряное кольцо с крупным чёрным камнем – матовым и не ловившим отсветов свечи. Её глаза были как этот камень. Неживые.

– Нет. Но мне нужен этот город.

«Как можно просто жить, когда она рядом? Как можно умываться, есть, включать компьютер, зная, что обернёшься – и вдруг этот жуткий взгляд?» – подумалось Сергею. Иносказания Ады – она только с ним так играет или вообще по-другому не умеет разговаривать?

– Зачем он тебе?

– Город? Не скажу, – улыбнулась Ада, и Сергей подумал: ну и глупости порой лезут в голову! Просто он никогда не видел таких глаз... – Муж? Во-первых, у него есть квартира. Во-вторых, у него есть работа. Я считаю, это весомые соображения, ведь у меня нет ни того, ни другого. Теперь ты успокоишься? Этот ответ достаточно нормален для тебя?

«Ведьма!» – мелькнуло у Сергея в голове. Как она почувствовала его раздражение в ответ на её недомолвки? Или оно попросту очевидно? И муж... Ада говорила о нём как о марионетке,

ходульном персонаже, который мало походил на живого мужчину. Или эта крошечная девушка умела делать из мужчин кукол, послушных её воле?

Тем не менее Адино объяснение действительно немного успокоило Сергея. Его потянуло на романтику.

– Представляешь, пройдёт лет 500, и период, в который мы живём, назовут Снежным, Глобальным похолоданием или ещё как-то. Загадочно звучит. Люди будут гадать, как мы выжили. Хотя тогда, наверно, будут уже такие сумасшедшие технологии, что потомки будут про нас знать почти всё.

– Ну-ну, – усмехнулась Ада. – Много современные школьники знают про эпоху Возрождения? По-моему, Ромен Роллан писал где-то, что через четыреста лет ничего особенно не изменится, люди всё равно будут убивать и терзать друг друга – просто придумают новые сорок способов это делать. Наш быт, конечно, здорово изменился, вокруг теперь столько умных вещей. Но мы недалеко ушли от Средневековья. А в чём-то, может быть, отстали.

– Да ну? В Средние века сжигали ведьм, – ответил Сергей, пристально глядя в две горящие точки в тени кресла.

Ада приглушённо засмеялась, точно восприняв реплику на свой счёт.

– А теперь их обязали ходить на работу. – Она потянулась в кресле, давая понять, что не хочет продолжать разговор. – По-моему, мы отвлеклись. У нас же свидание. Налей мне вина и начинай соблазнять.

Сергей улыбнулся. Пододвинул подсвечник поближе к Аде, и наконец её фигура выступила из тени кресла. Маленькая, как ребёнок, она совсем терялась в нём. И вдруг очень напомнила кого-то.

– Знаешь, ты похожа на одну девушку... Забавно. Я нашёл в этой квартире конверт с любопытными фотографиями. – Сергей встал, порылся в своей сумке и достал конверт. Хотел распечатать, но вдруг что-то его удержало. Ключ... Он посмотрел на Аду и, мучаясь догадкой, вертел конверт в руках. – Хочешь посмотреть? – неуверенно предложил он.

– Не особенно. Я жду своё вино.

– А у нас, кажется, нет...

Ада с отсутствующим видом наматывала прядь волос на палец, показывая, что подобные детали её совершенно не касаются.

– Я схожу, – всё так же неуверенно предложил Сергей. Ада не отреагировала, и он, бросив конверт на кровать, пошёл одеваться.

...Сергей шагал по хрустящему снегу с бутылкой шардоне, и неясное беспокойство неуютно шевелилось внутри. В Аде было что-то, одновременно манящее и неприятное. Как в злой ведьме из сказки. Она вызывает симпатию ребёнка своей непохожестью на других персонажей, умом, таинственностью, силой... И всё-таки он радуется, когда Белоснежка благополучно просыпается от поцелуя принца, а Элли удирает от Бастинды.

Ада как будто настаивала, что этот мир безумен, и она ничего не собирается объяснять с нормальной, рациональной точки зрения. Опять-таки, откуда у неё ключ? Но Сергей не решался настойчивее требовать ответа, да вряд ли бы получил. Наверное, она бы просто молча ушла.

Кто знает, может, безумная кровь женщин предыдущих поколений её семьи сделала Аду такой. Пожалуй, подобные предания из жизни бабушек кого угодно сведут с ума. Впрочем, делает же она хоть что-то как нормальные люди. Вышла замуж, например. Кажется, где-то училась. То есть, пути обычных людей ей не чужды. Но стоило Аде взглянуть на него, как она умела: пристально, изучающее, неуловимо-насмешливо, – и Сергей не знал, как себя вести.

Поднявшись на свой этаж, он почувствовал откуда-то запах гари. Сергей открыл дверь квартиры и тут же прикрыл нос шарфом – стояла ужасная вонь, как будто жгли что-то химическое.

– Ада! – испуганно крикнул он. Никто ему не ответил. Да Сергей и не ждал. Ещё у лифта он понял, что не найдёт здесь Ады.

Он бросился к форточке, чего не делал уже давно. Морозный воздух хлынул в комнату, и Сергей закрыл входную дверь. Потом посмотрел на стол и кивнул сам себе, признавая поражение. Действительно, стоило догадаться. В пепельнице дымилась горсть чёрного пепла и догорал последний уголок одной из фотографий.

Сергей усмехнулся и включил свет.

Утром он нашёл во дворе дохлую кошку. При жизни она не отличалась ни сообразительностью, ни шармом и красотой, но её кормил весь подъезд, и Сергей привык видеть эту хитрую рыже-чёрную морду сытой, наглой и готовой стоять насмерть, но не позволить товаркам разделить с нею хлебное место.

Взъерошенная и жалкая, она лежала сейчас у самой подъездной двери, как будто до последнего надеялась, что кто-нибудь ей откроет. Сергею стало не по себе.

Дверь открылась, и из неё быстро, закутавшись до самых глаз, выбежал старичок-сосед. Сергей смотрел ему в энергичную спину несколько секунд и успел окликнуть его. Тот нетерпеливо обернулся, увидел кошку и, вздохнув, так же поспешно вернулся под козырёк подъезда.

– Н-да, очень неприятно, – признал он и развернулся было обратно.

– Семён Петрович! – остановил его Сергей. – Вы же раньше работали ветеринаром?

– Работал, Серёга, да кому сейчас звери нужны? Зарплаты урезали так, что по новым временам вообще не проживёшь. Поверишь ли – на скотобойню устроился. Скот замерзает и падает, губернатор велел тушёнку заготавливать, чтоб добро не пропадало...

– Падаль, что ли, в тушёнку пихают? – насторожился Сергей.

– Нет, что ты, в нашем хозяйстве нет. – Семён Петрович сделал акцент на слове «нашем», а его усы, шевельнувшись, приняли положение «но сам знаешь, всякое бывает». – Слушай, холод собачий, я не хочу, как коровки наши, тут околеть, так что побегу...

– Семён Петрович! – пока Сергей выкрикнул эти слова, старичок отбежал уже метров на пятнадцать. – А может, посмотрите, от чего эта кошка сдохла?

Нос бывшего ветеринара, чуть дёрнувшись, показался было над краем толстого шарфа и скрылся обратно, но глубину пренебрежения к вопросу выразил вполне ясно.

– А чего на неё смотреть? Ясно же. От холода она околела, от холода!

Старичок понёсся дальше по своим делам.

– Точно? – крикнул вдогонку Сергей.

Семён Петрович на ходу замахал руками и бодро закивал: мол, даже сомневаться не смей. По дороге в редакцию Сергей насчитал одиннадцать мёртвых кошек.

5

Новый приятель Лерки был женат, и связаться с ним уж точно оказалось крайне неосмотрительным. Всё бы ничего, но имелся у него непозволительный, с её точки зрения, недостаток: он любил свою жену.

– Ради неё я приехал в этот город. Она сказала: «Продай квартиру» – я продал, сказала: «Влезь в долги, и сбежим» – я послушался. Теперь спать не могу, жду, что мне по башке монтировкой дадут. Знаешь, это подло звучит, уже ведь люди из-за морозов умирают, а мне – облегчение: по такому холоду они за мной через полстраны не погонятся!

Дмитрий был эталонно красивым тренером по рукопашному бою. Теперь, когда всей стране стало не до спорта, он работал охранником в продуктовом, где его и заметила Лерка. Но просчиталась: первое свидание подходило к концу, а тренер и не думал её соблазнять. Заказывая всё новые порции глинтвейна в одном из немногих кафе города, которые продолжали работать, он говорил и говорил, а Лерка тайком посматривала на часы.

– Я ради неё разругался с родителями, – она, кстати, всем врёт, что это они купили нам здесь квартиру. Ага, как же: хирург и учительница... Друзей бросил, спорт бросил... А она не приходит домой ночевать. И сделать ничего не могу. Она как посмотрит – и меня парализует, слова ей не сказать.

Лерка слушала и уговаривала себя, что в городе найдётся от силы несколько человек, у кого сейчас есть деньги на кафе, а значит, можно и послушать историю чужой драмы. Так она узнала, как Дмитрий познакомился с женой. Вернее, сначала увидел её портрет в мастерской знакомого художника. Чёрные глаза, написанные маслом, сверкнули по-настоящему, живо – он готов был в этом поклясться. Заинтригованный, Дмитрий попросил художника познакомить его с моделью, а через несколько недель на ней женился.

– Всё было классно – даже в кино так идеально не бывает, – признавался он. – Но стоило приехать сюда – и всё, чувствую, не нужен я ей. Она, в общем-то, этого и не скрывает, приходит за полночь, попробуешь что сказать – смотрит... А как смотрит моя жена, так больше никто не сможет. Психическое оружие, твою ж налево! Одеколоном чужим пахнет. Картины пишет – классные, только пугают чем-то. Как-то раз ночью, пардон, в туалет встал – а в коридоре её ведьма висит нарисованная. Можешь мне не верить, но она листала книгу. Реально листала, понимаешь? Страницы шевелились. По квартире шуршание. Короче, я к чему. Ведьма она.

Лерка не смогла сдержать издевательской усмешки.

– Ну да, как до свадьбы – так любимая, а как после, все сразу в ведьм превращаются...

– Я с тобой серьёзно, а ты!.. – разочарованно покосился на неё Дмитрий. – А снег этот выпал? Все были в шоке, помнишь? А она стояла у окна и улыбалась.

– Ты с ума сошёл, – спокойно констатировала Лерка, поднимаясь. – Ладно, спасибо тебе большое, спешимся потом «ВКонтакте».

Неожиданно Дмитрий схватил её за руку. Лерка удивлённо посмотрела на него и встретила взгляд, в природе которого никогда не ошибалась.

Что ж, подумала она, может, не так и сильно он любит жену.

6

Тёмные глаза загорелись во тьме чем-то бешеным, и казалось: она его ненавидит, ненавидит, ненавидит... Что не так? Что не так? – стучали в прихожей часы, но отвечало одно лишь отчаяние. Он закрывал глаза, чтобы не видеть двух чёрных злых точек, в которых тускло отражался свет жёлтого фонаря во дворе, но его веки обжигал злющий огонь: она-то глаз не закрывала. И он знал, что, ударь он её или покрой поцелуями тонкие лодыжки, взгляд не изменится, огонь не смягчится и ненависть по-прежнему будет электризоваться в этой комнате.

Скучный дьявол в спортивной куртке заглянул в спальню и криво усмехнулся: что, не разгадал шараду? Мучайся, мучайся, я здесь не задержусь – мы ведь увидимся ещё... несколько позже, не так ли? «Это я сам себя ненавижу?» – пытался крикнуть он дьяволу, но тот молча указывал на палящие глаза в углу: и она тоже, дорогой, и она тоже.

«Стой! Стой, не уходи!» – пытался крикнуть он пересохшими губами, видя, что спортивная куртка вот-вот исчезнет за дверью спальни. Не оставляй меня с ней наедине, ты отвлекаешь меня от бездны в этих глазах, потому что это – гибель, гибель или психушка, но больше ничего. Но куртка только усмехалась своими широкими складками и всё равно исчезала, а часы в прихожей били: справляйся сам.

Тогда он кидался к окну, но не мог его ни открыть, ни разбить. Из рамы торчали длинные ржавые гвозди, и кровь текла по рукам, по стеклу и старому подоконнику. Как к последнему прибежищу он бросился к выключателю, безжалостный жёлтый свет наполнил комнату, тьма оказалась ярко освещена, и всё смотрела, смотрела она...

В провинциальном городе, заметённом снегом, одновременно два человека проснулись, задыхаясь, и сели в постели, напряжённо вглядываясь в знакомую темноту своих комнат. Они не знали друг друга, но их мучил один кошмар. Один из них, тот, кого эти глаза и спортивная куртка стали посещать совсем недавно, не понимал сна и лишь смутно тревожился. Второй же успел сродниться с наваждением и всё, всё понимал. И оттого глаза его сна смотрели чернее, и куртка смеялась ядовитее, и более равнодушным, безжизненным, обречённым был электрический свет.

Сергей вытер пот со лба и замер, не возвращаясь на подушку. Он знал: в квартире что-то не то. Будто кто-то держал руку над его головой, или приоткрыл дверь, прислушиваясь, или смотрел в окно в кухне. Всё вокруг гудело от безмолвного напряжения, и Сергей ощутил детский первобытный страх – страх от того, что никогда не знаешь точно, что происходит, когда закрываешь глаза.

Напомнив себе, что ему двадцать пять и он, вообще-то, мужик, Сергей рывком встал и включил свет. Лучше не стало, скорее наоборот: лампочка, выхватив из темноты привычные предметы, коротко мигнула и погасла, оставив Сергея вглядываться в черноту. «У тебя просто был кошмар», – медленно сказал себе он, но не решился разжать губы и произнести это вслух: казалось, что кто-то возьмёт да ответит.

Глаза медленно привыкали к темноте. Снег за окном валил тяжёлыми хлопьями, жёлто-фиолетовый свет угрюмо заглядывал в комнату. Сергей нерешительно подошёл к окну. Тишина звенела, угрожали лопнуть барабанные перепонки. Как будто сон продолжался, Сергею хотелось очутиться где угодно, только не здесь, не в этой квартире, где из ниоткуда возникала чёрная фигура, внучка ведьмы, и никак не верилось, что у неё есть имя и фамилия, школьный аттестат и паспорт, муж и вчерашний ужин в холодильнике...

«Надо покурить», – подсказал мозг. Да, возможно, никотин бы успокоил. Но сигареты лежали на подоконнике в кухне. Сергей, ёжась от угрозы, которая отскакивала от предметов и бежала по коже мурашками, вышел из спальни.

В кухне добропорядочно загорелась лампочка. Но хотя ядовитый табак сладко и успокаивающе побежал по артериям, напряжение не исчезало. «Признайся же, – вдруг отчётливо подумал Сергей, – ну признай это – и станет легче: в квартире кто-то есть». И неясный шорох в прихожей, который он скорее почувствовал, чем услышал, подтверждал резонность разума.

Страх забрался под кончики ногтей на руках. Сергей, резко потушив сигарету, быстро поднялся и, запрещая себе думать, вышел в прихожую. Там никого не было. «Я не схожу с ума, здесь кто-то есть», – объявил сам себе Сергей, по-прежнему не решаясь мыслить вслух. В нём клокотала потребность найти источник напряжения – он ощущал её почти физически. И пошёл обратно в спальню, каким-то отделом мозга зная, что она там – там, где не включается свет.

Чёрная фигура свернулась в кресле. И прежде чем она встала, прежде чем оказалось, что на ней ничего не было, кроме его рубашки, прежде чем упала рубашка, Сергей понял, что ничего и никогда не будет уже в его жизни нормального, что всегда она прокрадётся, как вор, в его жизнь, и всё вывернет наизнанку, и всё заберёт себе, и отравит, и выбросит, и не даст счастья, но видит Бог, он не сможет без неё – не сможет, потому что никогда не будет с ней, потому что не дано ему дать ей реальность.

И она обнимала, и вонзала острые ногти, и молчала, и он молчал. И звенела тишина, и били барабаны в висках, и Сергей ощущал, как замерзает насмерть весь мир и как сгорает его жизнь, – ощущал, будто бы сам поднёс к ней спичку и наблюдал за занимавшимся пламенем. А когда он, поняв, что сойдёт с ума, вновь спросил, нарушив тишину: «Откуда у тебя ключ?» – она исчезла, подхватив с пола длинный меховой плащ, и пропала в холоде. Сергей опять не успел за нею. Пустая квартира теперь была лишена напряжения, но это сводило с ума. Он мгновенно оделся, выскочил из дома, с одержимостью психопата бросился вниз по окоченевшим ступеням и вырвался на удушающий мороз – но двор молчал, пустой: её уже не было.

Сергей, обезумев, метался по району – и конечно, её не нашёл. Нещадно сотрясаемый проникшим под кожу и растворившимся в крови холодом, вернулся в свою неинтересную квартиру – и не осилил её скуки. Разбивая кулаки, бил он бетонную стену, сдерживая вой животного, в которое его превратили.

Это стало его пыткой и манией – искать её в своей квартире; ждать, что вот-вот воздух изменится и в кресле материализуется она. Он ничего не мог с собой поделать...

Хотя с тех пор прошло уже четыре года, Роман иногда просыпался среди ночи и искал её маленький силуэт в тёмных очертаниях комнаты. В этом, наверно, и причина, и противоречие того, что он покинул храм накануне той исповеди и больше не надевал рясу.

Он пытался зажить полной жизнью, но отрава была крепка. Нет, Роман вовсе не скучал по Аде – она пугала его, вызывала то отвращение, то жалость, – но не отпускала. И священник понял это однажды июльской ночью, когда она, хоть и не была рядом, привела его в храм.

Её слова, бьющие в ночи, достучались до него спустя полторы тысячи дней. Ада ловко прокрадывалась в его жизнь, влюбляла – и отравляла всё, чем он жил до этого. Она как призрак появлялась по ночам у его постели. Было бесполезно искать её при свете дня, как и говорить, что это должно прекратиться, – она никогда не отвечала на то, чего слышать не хотела.

Он сбежал от неё в другой город, одержимый настолько, что, разложив вещи в съёмной квартире за сотни километров от дома и выключив свет, ждал, что и здесь появится Ада. Конечно, этого не произошло – но это-то и стало для Романа шоком. Он ждал её – она не появилась, не материализовалась изящно в темноте, как проделывала это в их городе. Не прожигали насквозь комнату и душу её агатовые глаза, он больше не чувствовал на себе маниакальной страсти, с которой она заставляла его разделить её болезную любовь.

Он думал: достаточно просто её не видеть. Пытался убедить себя, что исцелился. Но тоска опустошала его. Ады не было рядом, она исчезла из его жизни как-то до обидного

просто, и эти семьсот километров дела не меняли: Роман, втайне от самого себя, не был готов к тому, что она оставит его в покое.

Впрочем, этого и не произошло. Говоря попросту, Ада была на огромном расстоянии от него и там, далеко, рисовала свои мрачные готические пейзажи и ложилась вечером в супружескую постель. Однако и в их прежних отношениях было так мало обыденного, земного, реального, что Ада обрела плоть в его мыслях, подсознании, душе. Роман с горечью понимал, как близок он к сумасшествию: открыв ночью глаза, он искал силуэт Ады – и иногда находил: так ли ложились складки одежды и очертания мебели, или то была игра света и воспалённого воображения, – но порой видения были ужасающе реалистичны, настолько, что он пытался прикоснуться к призрачной тонкой руке...

Он спасался как мог – и порой это ему удавалось. Стоял на коленях перед иконами, читал Евангелие, проводил службы с немой и неизменной молитвой: избавиться от наваждения. В иные периоды Роман исцелялся и мог радоваться жизни – той, которую так страстно желал и получил: среди распятий, церковного пения и золочёных изображений святых. Он мог наконец участвовать в священнодействии храма, когда старушки с прозрачными глазами и робкие девушки в юбках по колено так трепетно смотрят на потолок, откуда взирает Бог-Отец, когда мужчины непривычно серьёзны и старики вспоминают милые сердцу грехи пятидесятилетней давности...

Однако что-то, засевшее внутри, боролось с его очищением. Он знал: это яд, который заблаговременно пустила в его кровь Ада. Будто какая-то густая и тёмная субстанция сопротивлялась и бушевала, пробуждая желание вспомнить её... И одного короткого взгляда в прошлое было достаточно: меж строк Псалтыри ему вновь виделось всё то же лицо, в темноте знакомые руки тянулись к нему, и он с бешеным стуком в висках выбежал из храма, когда чувствовал вместо переплёта святых книг под пальцами нежную, тонкую девичью кожу.

О её замужестве Роман услышал от матери по телефону, как раз в один из тех периодов, когда начинал думать, что забыл Аду. Но это было оскорбительно скоро после того, как они разъехались по разным городам, – всего через полгода! Лишь пять минут назад считавший, что отныне его жизнь посвящена только Богу, молодой священник был глубоко уязвлён. Он пытался радоваться за неё, за то, что девочка с болезненным воображением и нездоровой душой наконец обрела нормальное семейное счастье, – и не мог.

В то июльское утро он задержался в храме после обедни. Молчаливая старушка, продававшая свечи у входа, похожая на всех старушек, что обращали глаза к небу со времён создания Ветхого Завета, отправилась во двор кормить кошек. Каменную, местами щербатую плитку пола заливал солнечный свет из окон. Распятие с Христом находилось в тёмной нише, и лишь блики от нескольких свечей играли на тонком лице Иисуса. Знакомый аромат воска и ладана, родной алтарь в позолоте... Но неожиданно Роману стало холодно. Он почувствовал себя чуждым этой умиротворённости и благодати, испугался, что стоит на полу, на котором ещё не высохли капли святой воды после молебна: из самого тёмного угла полыхали глаза Ады.

Пусть его рассказ методично разобрал бы на кирпичики науки любой психолог, сам Роман точно знал: это не было видением, мороком, помешательством. Он видел её глаза – и понимал приказ, читавшийся в них.

В этот момент Роман смирился: священник из него не вышел.

А ещё он откуда-то знал: Ада вернулась в их город. Ощущал, как она идёт по их улице, как сжимает ремень дорожной сумки, как встречается во дворе взглядом с его матерью – и видел вспышку в зрачках обеих. Прошли полторы тысячи дней, и Ада позвала его обратно.

7

Мурка смотрела на Максима с большим пренебрежением. Лёжа на шкафу, она лениво наблюдала сверху, как он возится со снимками, обрабатывая их на компьютере, и нервно дёргала хвостом. Мурка уже и о хозяйские ноги тёрлась, и мяукала, и загораживала ему монитор – максимум, на что его хватило, это сначала небрежно потрепать её по шерсти, изображая ласку, а потом откинуть подальше. Нет чтобы оторвать некое место от стула и покормить сестру свою меньшую. Оскорблённая кошка вскарабкалась на шкаф, в отместку отчаянно царапая деревянное покрытие, и принялась величественно ждать Катю.

Мурка успела запомнить все кнопки, на которые нажимал Макс, чтобы сделать снимок ярче и убрать нечаянно угодивших в кадр людей, пока хозяйка наконец пришла. Громко мурлыкнув, кошка спрыгнула прямо на колени Максу, и пока тот ворчал и искал под столом вылетевшую из рук флешку, бегала вокруг Кати, преданно заглядывая в глаза.

– Что, проголодалась? – устало улыбнулась хозяйка, и Мурка стремительно помчалась на кухню.

Катя пошла за ней. Максим раздражённо крикнул:

– Кошка у тебя бешеная! Сиганула как лошадь! А если бы у меня в руках фотоаппарат был?

Катя налила Мурке молока и вернулась в комнату. Затем приблизилась к Максиму и бережно погладила по голове.

– Конечно, она не будет смотреть, куда прыгать, – голодная же. Можно подумать, её покормить некому.

– Ты вот её кормишь. Сколько же ей надо? – И Максим сердито отвернулся к монитору.

Катя несмело протянула руку, чтобы вновь провести по его волосам, таким привычным и жёстким, но пальцы остановились в паре сантиметров. Затылок Максима показался вдруг агрессивным в своей безразличности, в этом упорном «не-ме-шай-я-за-нят». И Катя медленно опустила руку. Наверное, зря. Наверное, можно сквозь это пробиться. Но тут, впервые за время её жизни с Максимом, Катю сдавила, мешая шевельнуться, апатия. Она вышла из комнаты, не обернувшись: и так знала, что Максим не заметит ухода.

В кухне Катя медленно, сосредоточенно стала готовить ужин. Пока закипала вода на картошку, достала альбом, перевернула несколько страниц и поморщилась: предыдущие попытки были столь жалки... Взяла карандаш, вспомнила виденную когда-то давно икону в церкви – рядом с ней нежно, отливая рассветом, горела лампада. Ей стало хорошо, с воодушевлением она подумала, что вот сейчас точно всё получится. Но первая же линия сильно ушла вбок, лампада больше походила на хобот слона, маленькая девочка, которая в храме умильно тянула свечку к иконе, получилась страшненькая, с неестественно вздёрнутым носом, который никак не получалось убедительно выпрямить, и плавала в совершенно другой плоскости, чем подсвечник. Кате снова подумалось, что более никчёмного существа, чем она, в мире не найти. Все так или иначе проявляли себя в жизни: у кого-то была любимая работа, кто-то, как Максим, самозабвенно ушёл в творчество, кто-то разводил цветы в уродливых советских горшках и считал свои чахлые фиалки и денежные деревья джунглями в миниатюре... Кто-то, в конце концов, жил для семьи. Катя представила себе абстрактную женщину, с улыбкой выставляющую на стол борщи и блины под восхищённые возгласы детей и мужа, и вновь помрачнела. Всё что-то делали – одна она научилась лишь сбегать от реальности.

«Ну а чего бы тебе хотелось?» – Катя методично резала картошку и пыталась ответить себе. Действительно, чего хочет она – она, а не Максим? Пожалуй, места, где она бы чувствовала себя уверенно и безопасно. В общем, своего места.

– Холод. Это всё холод, – тихо сказала себе Катя, отгоняя тоскливые мысли. – Немудрено сойти с ума...

Мурка, понятное дело, спорить не стала: она мягко тёрлась о ноги Кати и в том, что это и есть хозяйкино место – готовить и кидать в миску вкусные кусочки, – ни капли не сомневалась.

Нет отопления. Ничего страшнее этих слов Сергей не мог бы придумать даже для самого сенсационного заголовка. «Нет отопления» на первой полосе – и тысячи дрожащих рук вцепятся в резко пахнущую типографской краской бумагу, начав читать, не дойдя до кассы в супермаркете. Киоски позакрывали, когда температура перестала подниматься выше минус сорока двух градусов, продержавшись на максимальных значениях две недели, – а то бы люди рвали газеты из рук продавщиц.

Но Сергей был не на работе. Он стоял у батареи в своей комнате, в которой зуб на зуб не попадал. Под его ладонью бугорки и неровности, образованные несколькими слоями краски на советском радиаторе, безжалостно остывали.

Нет отопления.

Сергей оглянулся на включённый телевизор – в уголке экрана значилась температура воздуха – и нахмурился. Если этот морок не пройдёт, если холод под его пальцами реален, то через некоторое время – он не знал когда, но понимал, что достаточно скоро, – вода в трубах замёрзнет, их разорвёт, а он... В общем, как те кошки...

Внезапно ему показалось, что на затылок лёг чей-то напряжённый взгляд со стороны окна. Порывисто обернувшись, Сергей вздрогнул. Ледяной блеск зрачков, длинные пушистые ресницы, любовно вылепленные инеем... Снежные губы, разметавшиеся волосы, летящий поворот головы... Прекрасное лицо на стекле, написанное морозом, было лицом Ады, и Сергей на миг забыл про отопление, вглядываясь в ледяной портрет, искрящийся и переливающийся миллионами мельчайших снежинок в свете уличного фонаря и включённого телевизора. Глаза её, всегда немилосердные, сжигающие, немного смягчил иней, подчёркивая их красоту. Снежная Ада смотрела чуть ласковее, чем та, что из плоти и крови, и была идеальна в своём звёздном сверкании на тёмном стекле. Её сияющие золотым и синим, красным и фиолетовым и ещё сотнями оттенков глаза завораживали и успокаивали, обещая нечто неземное, уводя из квартиры в другие миры.

Сергей потрясённо смотрел на ледяное лицо Ады, чувствуя, как разом взмокли волосы, промчались вихрем мурашки по позвоночнику, а сердце заметалось из стороны в сторону, долбясь, казалось, в каждый уголок грудной клетки. Как такое вообще возможно? Как она это сделала? «Точно ведьма», – серьёзно подумал он, впервые осознав, что ему очень не нравится такая мысль. Он никогда не верил ни в привидений, ни в полтергейст, но теперь отчётливо видел лицо на своём окне, и это доказывало... что? Сергей не знал, но испытываемые им эмоции сильно походили на мистический ужас.

Но вот фонарь во дворе на мгновение погас и включился вновь, Сергей машинально моргнул и на секунду отвёл взгляд от мерцающего портрета. Когда он снова посмотрел на окно, увидел лишь обычный морозный узор. Веточки инея, лепестки льда и снежные цветы, переплетаясь, изысканно разрисовали стекло, и тем не менее это были просто переливающиеся на свету иней, лёд и снег. Мороз, который расписывал ещё окна крестьянских изб, прошёлся и по его окну, сыграв недобрую шутку с воображением.

Сергей облегчённо вздохнул. Некоторое время продолжал смотреть с подозрением на заснеженное стекло, но ледяной портрет не возвращался, и он перевёл дух. Потом, наконец, очнулся и бросился к телефону. Набрал номер службы спасения, но бездушный голос, записанный на автоответчик, попросил его оставаться на линии, которая в данный момент перегружена. Кинулся к блокноту в поисках телефонов МЧС, которыми пользовался по работе, –

но все они были заняты. Пять минут, десять, пятнадцать... Сергей позвонил во все мыслимые инстанции, включая коммунальщиков и мэрию, но везде слышал равнодушные короткие гудки.

Странное дело: он замерзал, но его прошиб ледяной пот. Холодные капли отвратительного страха струились по вискам, воздух в квартире казался колючим, а удары сердца – слишком медленными. Может, оно вот-вот остановится от низких температур? Почему, кстати, он до сих пор не удосужился почитать, как именно приходит смерть от холода?

Сергей, укутавшись, продолжал звонить, лихорадочно глотая чай, чтобы согреться. Кипяток ошпаривал небо и язык, обжигал горло, но он этого не замечал. В голове стучала одна мысль: не дать теплу покинуть его молодое, даже немного мускулистое тело.

Полчаса. Плохо он учил в школе физику, иначе знал бы, наверное, сколько осталось ему и трубам. Время плыло мимо всклокоченного сознания, и неизвестно, сколько его утекло, когда Сергей наконец бросил трубку, всё издававшуюся частыми гудками, и выбежал из квартиры. Подъезд сотрясался от криков соседей, в которых слышалась обнажённая, неприкрытая паника.

– Кто-нибудь знает, что случилось? – крикнул Сергей в воздух, и вырвавшийся изо рта пар медленно растаял в тусклом жёлтом свете грязного плафона.

Перепуганный галдёж с разных этажей дал понять, что соседи так же, как он, не могут никуда дозвониться. Сергей спустился на один лестничный пролёт и увидел молодую женщину, прижавшую к груди большой мохнатый кокон, – он не сразу догадался, что это завернутый в шубу маленький ребёнок.

– Всё?.. – Её бледное лицо с покорными глазами было вопрошающе обращено к Сергею, и в этом коротком слове он услышал их общую обречённость – то есть то, что меньше всего хотел слышать.

– Помолчала бы, а? – с непривычной грубостью отрезал он. Женщина с ребёнком не обиделась – она ждала от него ответа с покорностью, от которой замерзала кровь.

Но Сергей ничего не добавил и побежал дальше вниз – чтобы ощутить движение, доказывающее, что ещё не «всё». Его поймал за руку Семён Петрович.

– Серёга, ты же в газете работаешь. Делай давай что-нибудь! – строго велел он, и несколько человек оглянулись на Сергея. Тот, осознав, что в глазах обезумевших соседей может сейчас показаться единственным, кто в состоянии их спасти, но почему-то не хочет, спешно ретировался обратно в квартиру, лихорадочно соображая, что предпринять. Набрал номер – но уже не МЧС, а Макса, что, впрочем, стоило сделать раньше. Если у него есть отопление, надо срочно ехать к нему, и...

Домашний номер Макса не отвечал. Мобильник отозвался сбоем связи – как на Новый год в пять минут после полуночи. Он попытался набрать номера других знакомых, но опять слышал неприятный сигнал перегруженной линии. Леденя всё больше, Сергей метнулся к окну. Он не знал, что хочет увидеть внизу: выстуженный двор был пуст. Но отдавал себе отчёт, что надо справиться с накрывшей его паникой и вернуть способность здраво мыслить, причём желательно как можно скорее. И в это мгновение он ощутил что-то чуждое этому ледяному безумию. Не сразу осознал, что изменилось, замерзающий мозг с трудом ловил импульсы нервных окончаний. Прошло несколько секунд, прежде чем Сергей опустил глаза на свою ладонь, коснувшуюся батареи.

Труба была тёплой. Дали отопление.

Утром Сергей узнал, что в результате небольшой аварии подача теплоснабжения накануне вечером кратковременно прекращалась в двадцати трёх жилых домах города. Его дом был в их числе.

8

В ту ночь, когда Роман видел Аду в последний раз, они вернулись из часовни очень поздно, и шрам у него на запястье болел от её странного ритуала. Мать застала их во дворе и набросилась с руганью. Хотя уже давно всё было решено, и Аду зачислили в художественное училище в другом городе, и он сам собрал чемоданы для поездки на север, даже их последней встрече не дано было завершиться без скандала. Мать накинулась на Аду: «Ведьма! Не смей трогать моего сына!» Та лишь презрительно рассмеялась. Роман не знал, куда деть глаза. В свете фонаря мать заметила кровь, капавшую с его руки на асфальт, закричала и вцепилась Аде в волосы. Следующий миг был ещё более страшен: тонкая фигурка не шелохнулась, но в темноте сверкнул узкий нож. Ада приставила лезвие к груди его матери и тихо сказала: «Убери руки». Роман похолодел и оттащил застывшую вдруг мать от своей Дюймовочки, глаза которой горели, едва не искрились. Ему не раз становилось страшно рядом с Адой, но в тот миг он испугался за мать: что бы ни связывало его с двоюродной сестрой, Роман знал, что не настолько ей дорог, чтобы она не могла навредить его близким. Он никогда не думал об этом всерьёз, но в тот раз, когда нож в худом кулачке блеснул дважды за ночь, Роман испугался Ады, как бояться ведьм и кликуш в деревнях. Наверно, ещё и поэтому он был рад, когда наутро поезд тронулся и он остался один с забинтованной рукой и двумя сумками багажа.

Роман хорошо помнил, как в далёкие, занесённые снегом вечера выходил из квартиры, стараясь не попасться матери и Богу на глаза, и в фиолетовых сумерках шёл в старый, почти заброшенный парк в четверти часа ходьбы от дома. Обычно там гуляли лишь по самому краю, где сохранились покорёженные временем асфальтовые тропинки. Днём на этих дорожках, разбитых и замусоренных, гуляли уставшие молодые женщины – одни ещё меланхолично прохаживались с колясками, другие уже с восторгом следили за первыми шагами своих малышек. Иногда те, не удержавшись на некрепких ножках, шлёпались на асфальт – а в двух шагах от них валялись бутылки и пёстрые грязные обёртки от всего на свете. Почти никто не совался вглубь парка, где не осталось тропинок, по земле тянулись заросли кустарника, а деревья росли плотно друг к другу. Там было темно, как в лесу, и забирались туда разве что парочки в поисках лихой молодой любви да сомнительные пьяные компании.

О том, что лет сорок назад здесь был центральный городской парк, напоминали старые качели среди переплетений шиповника и бузины. Деревянное сиденье давно отвалилось от железных прутьев, на которых держалось, и лежало прямо на земле. Дощечки, из которых оно было сделано, снизу наполовину сгнили; ржавая рама поскрипывала, когда ветер становился слишком сильным. Именно здесь Романа ждала Ада.

Она всегда приходила раньше его. Большинство городских девушек ни за что не ступили бы даже на окраину парка после наступления темноты – но Ада не боялась никого и ничего. Она сидела на качелях, застелив их своей лёгкой курткой, а увидев Романа, продирающегося сквозь деревья, доставала из кармана зажигалку – и миг спустя загоралась белая свечка, которую она приносила с собой. Роман, каждый раз точно знающий, что не должен здесь быть, неловко садился напротив. В отсветах огня её лицо было магически, непристойно красивым.

В те вечера она рассказывала ему истории о своей семье. Немногие увлечены своими пра- и прапрабабками так, как была Ада. Экзотические предания о доме на краю села лились из Ады рекой. Она говорила, что поколения злых и добрых ведьм в её семье чередовались с захватывающим дух постоянством, но кто был в начале, ей неизвестно. Ада верила, что в истоках рода стояла врождённая, а не наученная ведьма, – по её мнению, этим объяснялась непрерывность дара.

«Бабушка моей прабабки была доброй знахаркой, – вспоминала она. – Рассказывали, что она могла остановить кровь даже при самой страшной ране. А если рождался ребёнок с отклонениями – ну, не начинал говорить, плохо ходил, вообще, как сейчас говорят, отставал в развитии, – матери носили их к бабке каждую пятницу на протяжении тринадцати месяцев. И он вырастал здоровым! А уж всякие обычные болезни снимала запросто: пошепчет что-то, травок попить даст – любой грипп как рукой снимало. Особенно у неё выходило детские болезни заговаривать. Тогда малыши умирали очень часто, скарлатина приговором была... А бабка моей прабабки её лечила. Считай, добрым ангелом всего уезда была: к ней даже из дальних сёл детей привозили». Ада говорила, и по её лицу плясали тени – пламя толстой свечи трепетало на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.